

ЛЕОНИД ВЕНГЕРОВСКИЙ

ЧАСЫ НЕ БЕГУТ ОТ ВРЕМЕНИ

Леонид Венгеровский

Часы не бегут от времени

«Автор»

2026

Венгеровский Л.

Часы не бегут от времени / Л. Венгеровский — «Автор», 2026

США, 1940-е годы Анна — дочь провинциального автомеханика и инженерный уникум. Ее невероятный талант замечает сам Ларри Белл, основатель легендарной авиационной корпорации, и оплачивает ее обучение. Жизнь Анны расцветает невероятными, головокружительными эмоциями: впереди блестящее будущее в Университете Буффало, большая мечта, участие в создании новейшего истребителя «Аэрокобра» и первая, чистая, всепоглощающая любовь. Но предвоенный мир жесток, а испытания новой техники не прощают ошибок. Столкнувшись с сокрушительным ударом судьбы, который разламывает ее жизнь надвое, Анна решает навсегда прогнать слабость. Она принимает вызов Белла и занимает жесткий пост начальника производства. Водоворот Второй мировой войны. Небо Кубани и загадки реактивного Мессершмитта. Рев сирен и новая, выстраданная встреча. Сможет ли сильная героиня растопить свое сердце и защитить эту хрупкую надежду, когда вокруг рушится мир?

© Венгеровский Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	43
Глава 16	46
Глава 17	48
Глава 18	51
Глава 19	53
Глава 20	56
Глава 21	58
Глава 22	61
Глава 23	62
Глава 24	65
Глава 25	67
Глава 26	69
Глава 27	70
Глава 28	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Леонид Венгеровский

Часы не бегут от времени

Глава

Книга 1

Часть 1

Глава 1

1935

— Матерь божья... Девочка?! Ты что, издеваешься надо мной?

Голос приезжего сорвался на фальцет, разрезав полуденную тишину провинциального города. Щёголь ошеломлённо застыл, так и не донеся сигарету до рта. Роскошный, но намертво застрявший в этой глуши Buick Series 40 выпуска тридцать четвертого года стоял с высоко задраным капотом, похожий на крокодила с открытой пастью, а перед ним, выпрямившись во весь свой небольшой рост, стоял тот, кто только что копался в его породистом восьмицилиндровом нутре. Вернее — та.

Это была худощавая, угловатая девчонка лет пятнадцати. Из-под огромного, явно с отцовского плеча брезентового комбинезона, который висел на ней тяжелыми складками, виднелись тонкие ключицы. Светлые волосы были туго повязаны промасленной косынкой, на лбу темнел жирный мазок мазута, а на бледной, серой от дорожной пыли щеке белела свежая царапина. В её тонких, испачканных сажей пальцах, словно продолжение рук, были зажаты тяжелые ключи. Она смотрела на паникующего мужчину спокойно и холодно — так смотрят старые мастера на нетерпеливых подмастерьев.

— Эй, где твой отец, малявка?! — закричал водитель, испуганно оглядываясь на стены пристроенной к дому мастерской. — Механик! Механик, куда ты запропастился? Давай выходи! Мне сто миль до Буффало пилить, у меня время — деньги!

Сто миль до Буффало. В 1935 году это расстояние казалось непреодолимой пропастью, разделяющей два разных мира. Здесь, в этом пыльном, задыхающемся городке, время словно остановилось, придавленное гранитной плитой Великой депрессии. Даже в конце августа солнце выжигало окрестности, превращая землю в безжизненную охру, покрытую шрамами глубоких трещин. Воздух был густым и неподвижным от летней жары, пропитанным не ароматами цветущих трав, а горьким привкусом угольной извести и пылью Великих равнин.

Сама природа казалась подчиненной безжалостному ритму тектонического упадка: обмелевшая местная речушка давно превратилась в стоячую сточную канаву, лениво омывающую ржавеющие остовы заброшенных паровых молотов и груды шлака. Город жил в режиме изнурительного ожидания, и появление здесь холеного сорокалетнего мужчины в дорогом, хоть и припыленном костюме-тройке, небрежно сжимающего в кулаке свежий выпуск The Chicago Tribune, выглядело почти нереальным. Его сверкающий «Бьюик» — вершина индустриальной мощи Детройта — теперь стоял беспомощным куском железа, подчиненным воле пятнадцатилетней девчонки.

Надрывный крик столичного гостя наконец прервался, когда из глубокого полумрака мастерской неторопливо вышел мужчина и сощурил глаза от солнца.

— Не ори, мистер, — глухо, но весомо произнес Кен Филлипс, шагнув на залитый солнцем двор.

Ему было лет сорок пять, и вся его фигура — натруженные плечи, жилистые руки и при этом достаточно худощавое сложение, — говорила о человеке, который всю жизнь посвятил физическому труду. У него были нестриженные волосы и трехдневная щетина, а руки были черны от многолетней, въевшейся в поры смазки. Кен неторопливо вытирал ладони засаленной ветошью, лениво и в упор разглядывая клиента. В этом взгляде не было заискивания бедняка перед богачом; в нем читалось спокойное превосходство мастера, в чьих услугах отчаянно нуждаются.

— Отец здесь, — продолжил Кен, подойдя ближе к замершему авто. — Только я к твоей машине даже не прикоснусь. Мои руки для этого карбюратора слишком здоровые, я там поло-

вину шпилек с корнем вырву. А у неё — ладони платиновые. Ровно ноль-ноль-пятнадцать дюйма зазор клапана чувствуют без всякого шупа. Так что стой и кури молча.

Пока Анна снова скрылась под массивным капотом, между мужчинами повисла тяжелая пауза. Владелец «Бьюика» раздраженно выдохнул, затянулся сигаретой и принялся демонстративно разглядывать облупившуюся краску на стенах мастерской, всем своим видом показывая, насколько оскорбительно для него само пребывание в этой глуши. Для него Кен и его дочь были лишь деталями этого унылого пейзажа — живыми механизмами, существующими только для того, чтобы обслуживать интересы людей его круга.

— Платиновые ладони, говоришь? — буркнул он, небрежно стряхивая пепел прямо на землю. — Ну-ну. Если она мне машину угробит — ты мне заплатишь как за новую. Ей бы в школе сидеть, книжки читать, а она в мазуте по локти.

Кен даже не повернул головы. Он продолжал методично, сантиметр за сантиметром, протирать ветошью свои крупные, изрезанные шрамами пальцы. В его молчании не было ни капли робости перед дорогим костюмом-тройкой. Филлипсов в городе знали все: от фермеров с окраин до бакалейщика на центральной улице. Они не были нищими. В мастерской Кена всегда пахло хорошим машинным маслом, на верстаках лежал ухоженный инструмент, а на кухонном столе дома всегда водился свежий хлеб и сливочное масло. Даже в этот тяжелый год, когда заводы в Буффало замерли, Кен и Анна оставались на плаву.

Городок держался за них: соседи везли сюда всё, что могло крутиться и работать, от сломанных сенокосилок до барахлящих тракторных движков. Кто-то платил мелкой монетой, кто-то — мешком отборной картошки или домашним сыром. И эти несколько долларов от столичного щеголя были не спасением от голода, а честным заработком за ювелирную работу, которую в радиусе ста миль не умел делать никто.

Богач, заметив, что его слова не произвели должного впечатления, раздраженно развернул газету, шурша страницами, и добавил тише, словно разговаривая сам с собой: — Впрочем, чего еще ждать от этой глуши. Просто убраться отсюда и не опоздать в банк, акции и так едва дышат, а тут еще этот закон Рузвельта.

Кен посмотрел на дочь. Из-под капота виднелись лишь её ноги в рабочих ботинках и угловатая спина, вздрагивающая от каждого точного усилия. Завтра Анна снова наденет отглаженное платье и пойдет в местную школу, где по математике и физике ей давно не было равных. Но здесь, среди запахов бензина и каленого железа, была ее истинная стихия. Сердце старого механика затопила волна такой неистовой и безграничной любви, от которой у него перехватило дыхание. В этом меняющемся, тревожном мире Анна была его главной гордостью. Она переняла у него лучшее — гордость ремесленника, которого всегда будут уважать и который никогда не останется без дела.

— Ты, мистер, не волнуйся. Читай свою газетку. Мы свое дело знаем. — на всякий случай еще раз уточнил Кен и бросил взгляд под капот, где уже заканчивала работу его дочь.

Из-под капота донеслось последнее, решающее щелканье храповика, а затем — короткий металлический лязг. Анна хладнокровно затянула кронштейн, выпрямилась во весь рост и, не говоря ни слова, с оглушительным грохотом захлопнула тяжелую крышку капота «Бьюика».

Удар капота на мгновение заставил столичного гостя непроизвольно вздрогнуть. На секунду воцарилась звенящая тишина. Степной ветер лениво погнал пыль вдоль забора, пока девчонка не спеша подходила к застывшему у крыла водителю. Она не опустила глаз, не выказала ни капли девчоночьей робости. Напротив, она уверенно протянула ему свою открытую, черную от свежего масла и копоты ладонь.

— Заводите, — твердо потребовала Анна. Ее голос прозвучал спокойно и буднично, как у врача, выдавшего рецепт. — С вас два доллара за работу. И доллар за фордовский кронштейн.

Хозяин машины недоверчиво хмыкнул. Он бросил окурок под ноги, тщательно раздавил его носком дорогой туфли и ловко запрыгнул в пахнувший лакированным деревом и дорогой

кожей салон. Должно быть, он все еще сомневался, что какая-то школьница из провинции способна оживить самый сложный механизм Детройта. Мужчина до упора вмял педаль акселератора в пол.

В ту же секунду рядный восьмицилиндровый мотор «Бьюика» мощно, яростно рывкнул, выплюнув из выхлопной трубы густую струю сизого дыма, и мгновенно перешел на ровный, утробный рокот. Огромная машина теперь работала тихо, плотно и без единого сбоя — как швейцарские часы премиум-класса. Пораженный водитель ошеломленно покачал головой, вслушиваясь в чистую симфонию цилиндров.

— Черт меня дернул... Ну и семейка, — ошеломленно пробормотал он, высовываясь из окна и качая головой. — Держи, малявка. — хозяин машины двумя пальцами протянул новенькую купюру в пять долларов. — Сдачи не надо. Надо же, девочка моторы чинит, кому сказать — не поверят.

Он небрежным, размашистым жестом швырнул из окна помятую газету прямо на пыльную обочину. Тяжелый седан с заносом сорвался с места, взревев мотором, и стремительно унесся прочь по шоссе, оставляя за собой лишь плотное облако серой взвеси, окутавшее въезд в мастерскую.

Анна молча смотрела на портрет Линкольна и цифру «пять» — честные, заработанные умом и трудом деньги. Ее покрытое мазутом лицо на секунду оттаяло, и на губах появилась едва заметная, уставшая, но гордая улыбка. Она повернулась к отцу. Кен подошел ближе. Его ладонь тяжело опустилась на угловатое плечо дочери, слегка сжав его в знак безмолвного восхищения.

— Классная работа, дочка, — негромко сказал он, и в его суровом голосе промелькнула редкая, глубокая теплота. — Пойдем ужинать.

Они развернулись и вместе направились к дверям дома — две сильные фигуры на фоне бесконечного ряда безликих, похожих друг на друга серых крыш замершего в ожидании городка. Кен бережно приобнял дочь за плечи, и они скрылись в полумраке, притворив за собой тяжелую дверь.

Снаружи воцарилась прежняя глухая тишина провинции. Поднятая колесами «Бьюика» пыль лениво, неохотно оседала обратно на иссушенную дорогу, укрывая тонким серым саваном брошенный в дорожную грязь свежий выпуск «The Chicago Tribune». Очередной порыв ветра с сухим шелестом перевернул испачканную страницу, обнажая передовицу с жирным заголовком на всю ширину полосы:

«HITLER REARMS! EUROPE FEARS NEW WAR» — Гитлер вооружается! Европа боится новой войны.

Чуть ниже, впиваясь в глаза черной типографской краской, шел более мелкий подзаголовок: «Conscription ordered in Reich. League of Nations helpless» — В Рейхе объявлен призыв. Лига Наций беспомощна.

Ветер еще раз дернул надорванный край газетного листа, словно пытаясь унести эту весть дальше в предгорья, пока далекий, затихающий рокот точно настроенного восьмицилиндрового мотора окончательно не растворился в тягучем воздухе, и тишина вновь не окутала мало кому известный городишко в Штате Нью-Йорк в сотне миль от Буффало.

* * *

Глава 2

Школьные коридоры были наполнены оглушительным, сбивающим с толку шумом. Звенели металлические дверцы шкафчиков, девчонки в юбках-плиссе весело щебетали о субботних танцах и новых помадах, а парни обсуждали результаты бейсбольных матчей и шансы на финал любимых «Бизонов Буффало».

Анна двигалась сквозь этот людской водоворот как невидимка. Вокруг нее существовало некое поле абсолютного, зеркального спокойствия. Её не обижали, ей не объявляли бойкотов, над ней не издевались. Никакой открытой жестокости. С ней просто... не дружили.

Когда она шла по коридору, волны подростковой суеты плавно расступались перед её угловатой фигурой, а затем так же плавно сходились обратно. Если Анна забывала карандаш, сосед по парте охотно протягивал ей свой. Если нужно было разделить на пары для лабораторной работы по химии, к ней спокойно подсаживались, зная, что с Анной Филлипс оценка «А» гарантирована. Но как только звенел звонок, все эти парни и девушки мгновенно растворялись, уходя в свою, непонятную для нее жизнь, оставляя Анну наедине с тишиной.

Одиночество не давило на нее бетонной плитой. Оно было скорее похожим на легкий, едва заметный туман, который сопровождал её повсюду. Иногда, глядя из окна класса на то, как стайка девчонок делится секретами, пряча лица в воротники пальто, Анна пыталась примерить их жизнь на себя. Но внутри ничего не отзывалось. Ей искренне казались глупыми разговоры о том, какой длины должен быть подол юбки в этом сезоне, или подмигнул ли кому-то Томми на перемене. Мир человеческих эмоций, намеков, полутонов и кокетства казался ей хаотичным, лишенным всякой логики. В нем не было чертежей и четких правил.

Зато эти правила были в точных науках. Уроки алгебры, геометрии и физики были для Анны моментами подлинного триумфа, хотя сама она так не считала. Для нее это было просто возвращением домой. Когда мистер Харрис выводил на доске сложные уравнения, другие ученики тоскливо вздыхали и подпирали головы кулаками. Анна же видела в этих цепочках цифр и синусов понятную строгую красоту. Цифры никогда не врали. Они не могли пообещать что-то, а потом отвернуться и сделать вид, что ты пустое место. Физические законы были честными: если приложить силу, объект сдвинется; если увеличить сопротивление, ток упадет. В этой предсказуемости Анна находила покой и безопасность, которых ей так не хватало в общении с людьми. Учителя ставили ей высшие баллы почти автоматически, привыкнув к её молчаливому, сосредоточенному превосходству в этих дисциплинах.

Но стоило начаться уроку литературы или биологии, как Анна превращалась в беспомощного слепца.

На уроках мисс Гилмор, когда класс разбирал «Алую букву» Натаниеля Готорна или тяжеловесные викторианские романы, Анна искренне страдала. Она смотрела в книгу и видела лишь нагромождение чужих, путанных чувств, за которыми не стояло никакой осязаемой реальности. — Анна, как вы думаете, почему Эстер Прин с такой гордостью и тщательностью вышивала алую букву «А» на своем платье, превращая знак позора в украшение? — спрашивала учительница, поправляя очки.

Анна поднималась, неловко переминаясь с ноги на ногу, чувствуя, как тридцать пар глаз лениво уставились на нее. — Мэм, красный пигмент кармин очень нестойкий, он быстро выцветает на солнце, — тихо и совершенно серьезно отвечала она. — А если нитки были хлопковыми, они сгниют от сырости за два сезона, если их регулярно не обрабатывать воском. В этой нашивке нет практического смысла, она только портит хорошую ткань. Зачем тратить столько часов работы на то, что не приносит пользы?

По классу проносился легкий, беззлобный смешок. Мисс Гилмор лишь печально вздыхала: «Садись, Анна, сегодня только «С». Анна садилась, чувствуя глухую обиду. Зачем искать

скрытые смыслы в чужих выдумках, если у каждого действия должна быть прямая, понятная причина? Она не понимала этих книжных героев, их заламывания рук и трагедий, рожденных из ничего.

С биологией дела обстояли не лучше. Живой мир пугал её своей нестабильностью и сыростью. На плакате с разрезанной лягушкой, Анна видела только хаос волокон, слизи и крови. В отличие от латунных шестеренок, которые можно было разобрать, почистить и собрать заново, живая ткань не подлежала ремонту. Она казалась Анне хрупкой и ненадежной. Сломавшуюся ось грузовика отец мог выковать заново. Умершую кошку, которую Анна нашла у порога прошлой зимой, нельзя было починить никакими инструментами в мире. Эта необратимость живого пугала её до дрожи.

И все же, несмотря на свое одиночество, Анна любила школу. Ей нравился сам ритм этих дней. Запах мела, скрип паркета, мерный стук часов над доской — всё это создавало ощущение порядка. Ей было комфортно в этой школьной рутине, где от нее требовалось просто быть прилежной ученицей. Ей хватало того ровного, вежливого «Привет, Анна», которое она слышала по утрам от старосты класса. Этого было достаточно, чтобы не чувствовать себя совсем уж призраком.

После уроков, когда все разбредались по домам, Анна часто задерживалась на школьном дворе. Она садилась на перевернутый деревянный ящик у спортивной площадки и смотрела на осеннее небо. Одиночество в такие минуты становилось её броней. Она была сама по себе, как маленькая, автономная планета со своей собственной гравитацией, и этот мир цифр, формул и чертежей, который она носила в своей голове, был для нее куда более реальным и теплым, чем вся остальная школьная жизнь.

* * *

Глава 3

Осень пахла прелыми яблоками, кукурузной соломой и жженой резиной. Для Анны этот запах всегда говорил о том, что опять пора в школу и опять ее отцу придется полдня обходиться без нее и только под вечер она сможет перехватить из его сильных ладоней какой-то из поступивших заказов.

Она росла угловатой, нескладной девчонкой, чьи пропорции никак не хотели приходить в гармонию. Длинные, слишком худые ноги, острые коленки, вечно покрытые свежими царапинами, и выющиеся, светлые волосы, которые она безжалостно состригала чуть выше плеч, чтобы они не лезли в глаза, когда она копалась в моторах. В привычном понимании Анна не была красивой. Местные матроны, глядя на её выгоревшие брови, худые мальчишеские плечи и пальцы с въевшейся под ногти темной каймой машинного масла, лишь сочувственно вздыхали: «Бедный Кен, растит девку без матери, совсем одичала».

Анна и правда проводила больше времени под капотами старых грузовиков в отцовской мастерской, чем перед зеркалом. До этой осени мир казался ей простым и логичным: если деталь изношена — её нужно заменить, если мотор барахлит — нужно отрегулировать карбюратор. Но в сентябре в её отлаженную, предсказуемую жизнь ворвался Рон, и привычная логика рухнула.

Рон учился в выпускном классе школы. Он был невероятно хорош собой. Даже слишком: широкоплечий красавец с темно-каштановым коком, капитан школьной команды по бейсболу, парень, который носил шерстяную куртку с большой буквой «А» на груди так, словно это была королевская мантия. Но главным его сокровищем, его колесницей, был отцовский «Форд V8» сорок восьмой модели. Иссиня-черный, с хромированной решеткой радиатора, похожей на зубастую ухмылку, этот автомобиль был центром притяжения всей местной молодежи. Внутри него билось мощное, рокочущее сердце — нижнеклапанный мотор Flathead, чья благородная вибрация заставляла дрожать стекла в окнах главной улицы.

За Роном бегали все девчонки городка. Они собирались стайками на углу у аптеки Кинга, пили кока-колу через соломинки и приглушенно хихикали, когда черный «Форд» с ревом пронесся мимо, оставляя за собой шлейф пыли и восхищения.

Анна впервые увидела его близко на школьной парковке. Она стояла у забора, прижимая к груди тяжелый учебник по тригонометрии. Рон сидел за рулем, небрежно положив одну руку на обод рулевого колеса, а второй переключая передачу. В его движениях было столько легкой, уверенной грации, что у Анны перехватило дыхание. Это было странное, пугающее чувство, которое она никогда не испытывала раньше — словно внутри нее, где-то прямо под ребрами, провернулся ржавый шестеренчатый механизм, пустив по венам обжигающий ток.

Она влюбилась. Не так, как влюблялись её сверстницы — со стихами в блокнотах и вырезанными из газет фотографиями киноактеров. Любовь Анны была молчаливой, тяжелой и, скорее грустной, чем радостной. Она начала замечать каждую деталь. Как Рон прищуривает глаза на солнце. Как у него на шее бьется жилка, когда он смеется. И, конечно, она знала его машину до последнего винтика. По звуку выхлопа она могла определить, на каких оборотах работает Flathead, и порой ей казалось, что эта машина — их тайный, общий язык. Ей грезилось, как однажды Рон остановится, у него заглохнет мотор, все девчонки в шелковых платьях растеряются, а она, Анна, просто подойдет, скинет куртку, подкрутит распределитель зажигания, и он посмотрит на неё... Посмотрит по-настоящему.

Случай представился совсем скоро.

После занятий школьный двор быстро опустел. Анна засиделась в библиотеке и вышла на крыльцо, когда сумерки уже сгущались над городом. Дождь барабанил по жестяным козырькам. На парковке оставался только один автомобиль — черный «Форд» Рона. Капот был под-

нят, и Рон, накинув на голову куртку, раздраженно копался внутри, подсвечивая себе тусклым карманным фонариком. Стартер крутил вхолостую, издавая надрывный звук, но мотор не схватывал.

Сердце Анны сделало дикий, сумасшедший кувырок. Пальцы похолодели. Она поняла: это её шанс. Единственный. Она медленно пошла через лужи, чувствуя, как мокрая челка липнет ко лбу. Её угловатая фигура в вышедшем из моды плаще выглядела, наверное, нелепо, но сейчас это не имело значения. По звуку стартера она уже поняла, в чем дело — из-за сырости пропала искра, ток уходил на массу под залитой крышкой распределителя. Она знала, как это исправить за две минуты.

Она подошла к крылу машины. От мотора шло приятное, живое тепло. Рон даже не поднял головы, вытирая руки о грязную тряпку и вполголоса чертыхаясь.

— Привет, — тихо сказала Анна. Её голос прозвучал тоньше и глуше, чем ей хотелось бы. — Вода попала под крышку распределителя. Если протереть контакты сухой ветошью и чуть уменьшить зазор...

Она протянула руку под капот, к проводам зажигания, готовая показать, готовая помочь, готовая отдать ему все свои знания, всю себя. В её глазах, скрытых за мокрыми прядями волос, горел такой чистый, отчаянный трепет, какой бывает только у подростков, стоящих на грани великого открытия.

Рон наконец обернулся. Он посмотрел на неё.

Этот взгляд длился всего секунду, но для Анны время растянулось в бесконечную, мучительную пытку. Рон скользнул глазами по её лицу, по мокрым, облепленным волосам, по слишком длинному, не очень модному плащу, по её худым, испачканным в мелу рукам. В его глазах не было ни малейшего интереса. В них не было насмешки. Там было кое-что гораздо худшее — абсолютное, глухое равнодушие. Он не увидел в ней девушку. Просто для него это было очередное везение и удачное стечение обстоятельств.

— Привет, Филлипс, — Рон знал ее фамилию, потому что Филлипсов в городе знали, — я ща сам крутану еще разок. Постой пока.

Он даже не предложил ей посидеть в машине, хотя дождь шел такой холодный и хлесткий, что Анна начала мерзнуть. Рон залез в свой роскошный седан и машина, как назло, завелась, выплюнув облако сизого дыма. Двигатель закашлялся, затем заработал ровнее и Рон, даже не оглянувшись, укатил прочь, оставив Анну стоять под назойливым дождем.

Анна стояла не шевелясь, словно её ударили током высокого напряжения. Физическая боль от обиды была такой острой, что она невольно прижала руку к груди. Земля ушла у неё из-под ног. Вся её юношеская гордость, весь её тайный, бережно хранимый мир, где она была особенной, гениальной, способной укротить любой мотор, разбился о глухую стену его пренебрежения. Он её просто не заметил. Для него её знаний, её навыков, её бьющегося от любви сердца не существовало, потому что она не носила пышных юбок и не умела кокетливо поджимать губы.

Она повернулась и побежала. Лужи брызгали под ногами, холодный дождь смешивался со слезами, которые жгли глаза. Анна бежала по темнеющим улицам и внутри нее бушевала первая, настоящая, разрывающая сердце взрослая боль. Это была боль разочарования не просто в парне, а в самой несправедливости мира, где внешняя глянцева красота значила больше, чем то, что ты умеешь делать руками и чувствовать душой.

Прибежав в отцовскую мастерскую, она забилась в самый дальний угол, между стеллажом с тяжелыми шинами и старым верстаком. Там пахло родным маслом и железом. Она свернулась калачиком на полу, уткнувшись носом в колени, и беззвучно зарыдала. Её угловатые плечи тряслись.

В тот нелепый вечер 1935 года Анна впервые поняла, что мир взрослых — это жестокое место, где тебя оценивают по обложке. И именно тогда, сквозь слезы и унижение, в ней заро-

дилось глухое, упрямое решение: она докажет. Ей плевать на Ронов и их красивые «Форды». Она станет такой, что о ней заговорят все вокруг. Она заставит этот мужской мир считаться с ней, даже если ей придется выгрызть свое право на признание зубами.

Впрочем, Рон, все-таки, воспользовался ее уникальными руками. Причем на следующий же день.

* * *

Глава 4

На следующий день к двум часам пополудни серое небо уступило место ласковому теплему солнцу и настроение у обитателей городка заметно улучшилось

В доме Филлипсов, в небольшой и аккуратной кухне, царил домашний уют, который странным образом переплетался со шлейфом отцовского ремесла. Здесь пахло наваристым куриным бульоном, сушеной петрушкой, поджаренной корочкой ржаного хлеба и немного машинным маслом, запах которого Кен ежедневно приносил на своей коже.

Беленые стены отражали дневной свет. Чугунная раковина была начищена до темного блеска, а газовая плита мерно остывала после готовки. Тяжелый обеденный стол и полки резного буфета, сделанные руками Кена из плотного дуба, стояли здесь как безмолвное свидетельство его вековой надежности — добротные, крепкие, способные пережить не одно поколение. На стене лениво, в такт полуденной дреме, тикали старые ходики. Рядом с ними, в простой деревянной рамке, висело черно-белое фото.

Кен сидел за столом, тяжело опустив плечи, и лениво возил ложкой в тарелке. Его взгляд, обычно суровый и цепкий, сейчас подернулся дымкой глубокой, въевшейся в сердце тоски. Он смотрел на снимок. С фотографии на него глядела Кристина — молодая, смеющаяся, невероятно живая. Она прижимала к себе маленькую, трехлетнюю Анну, у которой из-под забавных кудряшек торчали испачканные уши.

Память Кена, словно прорвав плотину времени, мгновенно унесла его на двенадцать лет назад, в такое же залитое солнцем лето. Он вспомнил, как стоял у верстака, весь в мыле, перебирая капризную трансмиссию старого «Студебекера». А во дворе, поднимая тучи сухой травы, Кристина бегала за маленькой Энни. Они хохотали так громко, что этот смех заглушал все остальные звуки вокруг. В какой-то момент Кристина остановилась, запыхавшаяся, с растрепавшимися волосами, повернулась к распахнутым воротам мастерской и, приставив ладони к губам, звонко крикнула: «Эй, гризманки! Чумазый ты наш, бросай свои железки, иди к нам!». Этот голос, полный тепла и беззаботного счастья, до сих пор стоял у него в ушах.

Кен тяжело вздохнул, выныривая из воспоминаний. Прошлое резануло по живому. Он медленно поднялся, подошел к буфету и достал из глубины наполовину пустую бутылку дешевого виски и тяжелый стакан — олд-фэшн. Ему нужно было заглушить эту внезапно подступившую к горлу пустоту.

Но не успел он сорвать жестянку с горлышка, как в прихожей резко, с треском хлопнула входная дверь.

Кен вздрогнул, его руки сработали на чистом автомате: он быстро, воровато спрятал бутылку со стопкой обратно за стеклянную дверцу буфета и в два шага вернулся на свое место, напустив на себя будничныи вид.

На кухню буквально влетела Анна. В своем обычном легком ситцевом платье, без промасленной косынки и с чистым, умытым лицом она выглядела совсем по-другому — намного привлекательнее, женственнее, хотя в ее угловатых движениях все еще угадывался прежний пацанский задор.

— Пап! Я дома! — звонко бросила она с порога.

Не теряя ни секунды, она подбежала к столу, ловко отломил хрустящую горбушку хлеба из плетеной корзинки, щедро, не жалея, сыпанула на нее крупной соли и с аппетитом откусила добрую половину.

Кен почувствовал, как тяжесть в груди растворяется. Он выдавил теплую, отеческую улыбку.

— Привет, дочка. Садись, я куриный суп сварил. Отличный получился, наваристый.

Кен приподнялся, намереваясь отодвинуть для нее соседний стул, но Анна мягко, понимая, качнула головой:

— Сиди, пап, я сама.

Она ловко подхватила половник, плеснула себе в тарелку дымящегося супа и села рядом. Ложка в ее руках застучала быстро и торопливо. Кен с нескрываемой гордостью и любовью наблюдал за тем, как быстро пустеет ее тарелка.

Кен вдруг вспомнил, как пару дней назад он решил зайти к учителю алгебры, мистеру Харрису и посоветоваться с ним насчет дочери, не попробовать ли ей поступить в педагогический колледж на учителя математики, как вдруг он увидел, как в коридоре какой-то длинный мальчишка выхватил у Анны портфель и с размаху бросил его товарищу. Анна стояла между двумя парнями, а те бросали другу другу ее портфель. Кен аж задохнулся от злости и еле сдержался, чтобы не прибить обоих обидчиков на месте, но вовремя взял в себя в руки. Однако, его выражение лица настолько однозначно считывалось, что мальчишки в ужасе бросились в разные стороны.

— Ну, как в школе? — спросил он, прищурившись. — Тот долговязый оболтус из параллельного больше не лезет? Если он еще раз косо в твою сторону посмотрит, я ему...

— Пап, ну брось, — фыркнула Анна, не прерывая еды. — После того, как ты заявился прямо в класс в своей промасленной робе, они меня за милую обходят. Мальчишки в рассыпную бросились, стоило тебе только кулак показать! Кстати, ты представь! Рон сегодня в школу прикатил на отцовском «Форде». Ну, на том самом, сорок восьмой модели. Там еще мотор Flathead, помнишь? — Анна говорила нарочито беззаботно.

Кен оживился, перестал возить ложкой. — Машина ничего. Но электрика там хрено.... Слабенькая.

— Вот он и заглох прямо у крыльца! — глаза Анны азартно блеснули. — Ребята облепили мотор, начали провода дергать. А я вытащила из сумки твою контрольную лампу, проверила цепь... Ну точно, прерыватель! Конденсатор сдох, контакты обгорели, вот движок и встал. Все как ты мне показывал в прошлый четверг.

Кен откинулся на спинку стула. В его глазах загорелась гордость. Он коротко кивнул. — Золото ты мое. Представляю, как они стояли как вкопанные! — Кен вдруг решил, что сейчас самое время и, глядя на дочь, спросил:

— Ты об учебе думаешь? У Майка вон парни в Бостон уехали. На банкиров, говорит, учатся.

Анна отложила ложку, встала из-за стола, подошла к отцу сзади и крепко обняла его за шею, прижавшись щекой к жесткой щетине. — Два жирных дурака.

Кен хмыкнул, накрыв её ладонь своей огромной рукой. — Так что с учебой? Деньги есть. Заплатим если что.

— Не-а. Не интересно, — Анна упрямо мотнула головой. — Я с тобой буду. Я знаешь, что придумала? Сделаем пристройку к нашей мастерской. Откроем магазин, будем продавать запчасти, масло там, щетки. И еще я хочу, чтобы мы кузовами занимались — правили, красили, полировали. Вот это будет класс! Настоящий бизнес! Да, пап?

Лицо Кена потемнело. Он нахмурился. — Забудь. В этой дыре ты себя похоронишь, Энни. У тебя же мозги инженера. Подтяни черчение — и поступай в колледж там или еще куда.

— Чтобы стать третьим «жирным дураком»? Нет, спасибо, — отрезала Анна.

Она с вызовом бросила тарелку в чугунную раковину и глянула на ходики. — Мне бежать надо. В школу летчик из аэроклуба приехал. Настоящий пилот. Мальчишки говорят, он набирает курсантов. Может мне тоже попробовать?

Кен резко рубанул ладонью по столу: — Исключено. Некоторые на машинах башку себе сворачивают, а ты из-под облаков грохнуться хочешь? Ненавижу авиацию. Опасная блажь.

— Я быстро! Только гляну! — Анна на ходу мазнула губами по его колючей щеке, подхватила курточку и толкнула дверь.

Кен посмотрел ей вдогонку, тяжело вздохнул и крикнул уже в закрывающуюся дверь, сдаваясь: — Ладно! Но ты спроси у своего летуна — как это их моторы молотят вверх ногами и не глохнут? Чертовщина какая-то.

* * *

Глава 5

Когда за Анной захлопнулась дверь, в доме воцарилась та особенная, звенящая тишина, которая бывает только в провинции после изнурительного рабочего дня. Кен Филлипс остался один на кухне. Ходики на стене продолжали свой ленивый, монотонный отсчет, и этот звук казался Кену шагами уходящего времени — тяжелыми и безвозвратными.

Он подошел к буфету, приоткрыл стеклянную дверцу и достал бутылку дешевого виски, которую прятал от дочери. Налив себе полстакана, Кен вернулся за стол, но пить не стал. Его взгляд снова приковало черно-белое фото в рамке. Снимок слегка выцвел по краям, но улыбка Кристины оставалась всё такой же яркой, словно она смеялась прямо сейчас, здесь, в этой душной комнате.

Кен закрыл глаза, и воспоминания, которые он так тщательно подавлял весь день, хлынули наружу. Он отчетливо вспомнил ту весну двадцатого года. Они только переехали в этот дом. Заводы в Буффало тогда работали на полную мощность, в воздухе пахло большими деньгами и надеждой, а не сухой пылью. Кристина, тоненькая, в светлом невесомом платье, кружилась по этой самой кухне, которая тогда еще пахла свежей стружкой и лаком. «Мы построим здесь всё заново, Кенни, — говорила она, обнимая его за шею своими теплыми, пахнущими лавандовым мылом руками. — Наш дом будет самым лучшим».

Она верила в него безоговорочно. Верила, когда он бросил стабильную работу на конвейере ради собственной мастерской. Верила, когда родилась Анна. Кристина угасла за месяц — пневмония не щадила никого в эти сырые зимы у озера Эри. В разгар Великой депрессии Кен хоронил её на местном кладбище под косым холодным дождем, чувствуя, как вместе с гробом в землю уходит половина его собственной души. Тогда у него осталась только Анна — трехлетний испуганный ребенок, крепко державший его за испачканный в мазуте палец.

Кен открыл глаза и залпом выпил виски. Обжигающая жидкость привычно обожгла, но тупую боль в груди не уняла.

Он потянулся к краю стола и разгладил ладонью измятую газету The Chicago Tribune, которую Анна подобрала на дороге и принесла с собой. Черный жирный заголовок «HITLER REARMS!» смотрел на него со страницы как личное предупреждение. Кен нахмурился, вчитываясь в мелкий шрифт передовицы.

Ему было сорок пять. Он слишком хорошо помнил прошлую войну. Помнил окопы во Франции, удушливый запах горчичного газа, хрипы умирающих от дизентерии и ранений однополчан. Половина парней из его родного округа так и осталась лежать в чужой, изрезанной траншеями европейской земле. Те, кто вернулся, вроде него самого, привезли с собой ночные кошмары, шрамы и глухую ненависть к политикам в чистых воротничках. И вот теперь, спустя всего полтора десятка лет, мир снова катился в ту же самую пропасть. Газеты кричали о бессилии Лиги Наций, о новых немецких танках, о факельных шествиях в Берлине. Кен чувствовал этот подземный гул надвигающейся катастрофы кожей, как старый пес чувствует приближение грозы.

Самое страшное было то, что эта новая, еще не начавшаяся война уже тянула свои невидимые щупальца к его дому. Анна. Его маленькая Энни.

Она была всем, ради чего он продолжал просыпаться по утрам и крутить проклятые ржавые гайки. Кен безумно, до дрожи в суставах, хотел, чтобы она оставалась здесь. В этой безопасной, пусть и захолустной мастерской. Ему хотелось, чтобы она чинила с ним соседские тракторы, вышла замуж за какого-нибудь местного парня и жила простой, понятной жизнью под его присмотром. Защитить её от внешнего мира, от всех этих чертовых летчиков — вот о чем кричал его отцовский инстинкт.

Но Кен был не просто любящим отцом. Он был Мастером. И как мастер, он прекрасно понимал: Анна — самородок. У нее был дар, который дается один раз на миллион. Девчонка видела металл насквозь. Она понимала физику двигателей так, словно сама их проектировала. Оставить её здесь, в этой глуши, заставить до конца дней перебирать карбюраторы старых «Фордов» — означало совершить преступление против её таланта. Такой механизм нельзя было оставлять не настроенным. Он должен был отпустить её, дать ей образование, швырнуть в этот огромный, опасный мир, даже если этот мир сожрет её или заберет у него навсегда.

Кен тяжело поднялся, подошел к окну и посмотрел в темноту двора, где под навесом мастерской угадывались силуэты станков и инструментов. Сухой ветер дернул занавеску.

— Что мне делать, Кристина? — тихо, едва слышно прошептал он в пустоту.

Фотография на стене молчала. Ходики продолжали стучать. Кен знал, что девчонка должна покинуть его дом. Но только совсем не понимал — кем она станет? Все, что связано с металлом и техникой — это мир мужчин. Женщине там делать нечего. Ее просто не пустят, отодвинут — ей не дадут раскрыть свой талант. А что тогда? Чем дольше Кен об этом думал, тем меньше понимал, что делать ему и его необыкновенной дочке.

* * *

Глава 6

Еще была Мэгги. Соседка Филлипсов. Мэгги Хиггинс, когда-то самая красивая девушка во всей округе. Она была моложе Кена на пару лет и тоже успела похоронить мужа — тот умудрился попасть под машину в одну из пятниц, когда они с друзьями прилично нагрузились дешевым пивом после тяжелой трудовой недели. Мэгги как раз была воплощением женственности — красивая, статная, она казалась моложе лет на десять, чем ей было на самом деле. Мэгги Хиггинс в своем доме открыла небольшое ателье. Завод, где работал ее Рой, заплатил ей профсоюзную страховку, и этих денег Мэгги хватило на подержанную электрическую швейную машину, тяжеленный утюг, от которого во время глажки по комнате разносился густой пар, огромный стол и уйму разных тканей и фурнитуры.

Одну комнату она полностью обставила для своих заказчиков — установила два кресла и столик между ними. Здесь ее посетители могли полистать модные журналы и подождать заказ. Еще здесь же располагалась примерочная за ширмой и огромное, в пол, зеркало.

Мэгги шила всему городу платья и костюмы, брала любые заказы, даже самые простые и делала свою работу на совесть. У нее всегда находились клиенты — в Ателье Мэгги Хиггинс было намного выгоднее справиться себе что-то из одежды, чем покупать в универмаге. Тем более, если этот универмаг — в Буффало, куда еще надо было добираться.

Мэгги очень нравился Кен. Она всегда с удовольствием наблюдала, как он чертыхается под очередным грузовиком, а потом умывается из бочки и струйки грязи стекают по его натруженным рукам. Мэгги прекрасно знала, что для Кена значила его Кристина и что он и думать не хочет о том, чтобы кто-то занял ее место. Но она, все-таки, где-то в глубине души надеялась, что этот с виду колючий, но в душе — ужасно ранимый механик, когда-нибудь оттаяет и наконец-то заметит, что Мэгги Хиггинс еще очень даже ничего.

Впервые он с невероятной скоростью добежал до ее дома года три назад, когда его двенадцатилетняя Энни пришла домой, вся белая, как потолок на кухне, улеглась на кровать, свернувшись калачиком и прошептала: «— Папа... — и губы её задрожали. — Я... я, кажется, умираю. У меня там... кровь. Папа, я заболела, как мама? Я умру?»

Кен посмотрел на простыню. Он, конечно, всё понял в ту же секунду. Он был женат, он помнил Кристину в её молодые годы, и биология не была для него секретом. Но одно дело — знать, и совсем другое — увидеть, что твоя маленькая, чумахая девочка, которая еще вчера просила покатать её на заливке, внезапно перешагнула этот порог. Без матери. В пустом доме, где из взрослых — только отец, который, конечно, многое умеет, но, честно говоря, не все.

— Энни... — голос Кена прозвучал глуше обычного. Он сделал шаг вперед, протянул свои огромные, засаленные ладони, но тут же опустил их, понимая, насколько он сейчас неуместен со своей грубой силой в этой чистой девичьей тайне. — Ты... ты не умираешь, глупышка. Всё хорошо. Так надо. Ты лежи. Я сейчас. Я быстро.

Он вышел на крыльцо, чувствуя, как у него горит лицо. Сердце колотилось в горле от неловкости и глухого отчаяния. Он побежал к Мэгги. Это первое, что пришло ему в голову.

Он без стука влетел в ее дом и, задыхаясь от бега, начал свой неловкий рассказ

— Мэгги, — сказал он, глядя чуть в сторону, поверх её плеча. — Там Энни. Время пришло, понимаешь? Она испугалась, плачет, думает, что умирает. Мне... я не могу туда идти, Мэгги. Поговори с ней. Сделай то, что должна сделать женщина. Пожалуйста.

Мэгги Хиггинс посмотрела на его суровый профиль, на то, как этот большой, сильный человек прячет глаза от чисто мужской неловкости и отчаянной заботы о дочери. Ей не нужно было ничего объяснять. Она прекрасно поняла ту огромную, рвущую душу пустоту, которую оставила после себя покойная Кристина. В её глазах не было насмешки. Только бесконечная, женская мудрость.

Она мягко, но уверенно положила свою ладонь на его фланелевое плечо.

— Иди в мастерскую, Кен, — тихо, но твердо сказала она. — Закрой ворота и поработай. Я сейчас приду. Нам с Энни нужно поговорить. По-женски.

— Да, — Кен коротко выдохнул, чувствуя, как с плеч свалилась огромная бетонная плита. — Спасибо, Мэгги.

Он повернулся и побрел в гараж. Руки всё еще немного дрожали от пережитого ступора. Кен сел на перевернутый ящик, достал кисет, торопливо свернул самокрутку, чиркнул о коробок тяжелой рабочей спичкой и уставился на разобранную молотилку. Он курил, глядя на окна своего дома, и впервые в жизни испытывал к этой женщине не просто благодарность, а глубокое, почти религиозное почтение за то, что она взяла на себя ту часть мира, к которой он сам не знал с какой стороны подобраться.

С тех пор Мэгги и Анна часто проводили время вместе, когда у Анны было свободное время между уроками и отцовской мастерской. Мэгги постепенно посвящала Анну в тонкости отношений между мужчиной и женщиной, без пугающей анатомии, но так, чтобы девчонка поняла — как следует обращаться с парнями. Для Анны «тетя Мэгги» стала скорее лучшей подругой, чем второй матерью и эта ситуация обеих вполне устраивала.

Перед началом учебного года Мэгги решила сшить Анне школьное платье. В ее домателе по радио крутили оркестр Бенни Гудмена, но музыка едва пробивалась сквозь мерный, ублаживающий стук швейной машинки Singer.

Анна стояла на невысоком деревянном подиуме, стараясь не дышать. На ней был пока еще проект платья из недорогого ситца в мелкий голубой цветочек — Мэгги умудрилась достать отрез по дешевке со склада в Буффало. Острые портновские булавки то и дело касались кожи, заставляя девушку вздрагивать.

— Не вертись, Энни, ради всего святого, — Мэгги ловко перехватила губами еще три булавки из подушечки, приколотой к запястью. Ее сильные, исколотые иглами пальцы уверенно огладили ткань на бедрах девушки. — Я ведь должна из тебя сделать приличную девушку, а не пугало огородное. Если я ошибусь хоть на дюйм, платье повиснет как тряпка и твой отец решит, что Мэгги Хиггинс уже ни на что не годится.

При упоминании отца, Анна подумала, что он то как раз мало что смыслит в этих совершенно женских вещах. Мэгги, со своей копной русых волос была остра на язык, но, когда она смотрела на Кена, ее хитро прищуренные глаза становились непривычно мягкими.

— Мэри Лу сказала, что платье не должно быть слишком легкомысленным, — тихо произнесла Анна, разглядывая свое отражение в большом зеркале. — Вырезы должны быть совсем крошечными.

Мэгги фыркнула, вынимая булавки изо рта. Она поднялась с колен, выпрямляя свою роскошную фигуру, и критически осмотрела работу.

— Твоя Мэри Лу, если хочешь знать, смыслит в платьях столько же, сколько соседская кошка в карбюраторах. Вырез в самый раз. Мужчинам, милая моя, нужно оставлять загадку, но и подсказку давать не грех. Иначе они просто пройдут мимо, к той, у кого фасон посмелее.

Она отошла к гладильному столу, взяла тяжелый чугунный утюг и с шипением опустила его на влажную марлю. К облаку пара примешался тонкий аромат ее лавандовых духов.

— Тебе уже пятнадцать, Энни. Самое время уяснить: мужчины — существа простые, как трехколесный велосипед. Но управлять ими нужно уметь. Вот взять хотя бы твоего отца...

— Мэгги сделала паузу, тщательно разглаживая шов на рукаве. — Гордый. Упрямый, как сто мулов. Думает, что если спрятал за забором дочку, то защитил ее от всего мира. И сам заперся. А мужчине нельзя быть одному, от этого у них портится характер и заводится язва желудка.

— Вы думаете, папе одиноко? — спросила Анна, глядя как ловко летают руки портнихи.

— Я это знаю, — отрезала Мэгги, и в ее голосе промелькнула едва заметная грусть. Она повернулась к Анне и оперлась ладонями о стол. — И тебе, девочка, пора перестать быть просто

ребенком. Мужчина дома должен чувствовать, что о нём заботятся, понимаешь? Налей ему кофе, улыбнись, не лезь с распросами. Мужчина должен выговориться сам!

Мэгги подошла ближе и мягко поправила воротничок на платье Анны.

— А с парнями твоего возраста — еще строже. Если кто-то начнет крутить вокруг да около, послушай меня: никогда не соглашайся сразу. Мужчина — охотник, даже если из добычи у него пока только прыщи на лбу. Если ты достанешься ему слишком легко, он выбросит тебя из головы к следующей субботе.

— А что, тетя Мэгги, совсем нельзя быть ласковой? — засомневалась Анна, разглядывая свои туфли.

— Будь ласковой, но недоступной! — она похлопала Анну по плечу. — Всё, снимай аккуратно через голову. Мне нужно подшить подол. — Как конфетное окошко в лавке мистера Грина: смотреть — можно, трогать — нельзя. Запомни это.

— Спасибо, тетя Мэгги — так красиво получилось!

Мэгги тепло улыбнулась в ответ. Уроки женской мудрости, кажется, падали на вполне благодатную почву.

* * *

Глава 7

Утреннее солнце ещё не успело раскалить жестяную крышу школы, но в актовом зале уже дышать было нечем. Зал был забит до отказа. Подростки сидели по трое на двух стульях, толпились в проходах и облепили подоконники, отчаянно пытаясь поймать хоть каплю сквозняка из полуоткрытых окон. Воздух дрожал от невообразимого гула, мальчишеского свиста и грохота сотен стоптанных ботинок. Местная молодежь, уставшая от монотонной провинциальной скуки, требовала зрелищ.

Анна сидела в самом центре этого бурлящего человеческого моря. На ней было роскошное платье от Мэгги Хиггинс — то самое, которое она надевала теперь в особенных случаях. Волосы, которые обычно прятались под промасленной отцовской косынкой, сегодня были тщательно расчесаны и спадали на плечи легкими светлыми волнами. На бледной щеке всё еще белела тонкая царапина от неудачного общения с очередной запчастью, но сейчас Анна об этом не думала. Поджав под себя ноги, она крепко сжимала в руках холщовую сумку с тетрадью. Внутри неё, прямо под ребрами, билось странное, щемящее предвкушение.

Шум в зале достиг своего пика, когда директор школы, престарелый и всклокоченный, вышел к трибуне и, надрывая горло, объявил гостя. Зал буквально взорвался овациями. Мальчишки принялись свистеть, засунув пальцы в рот, а девчонки в первых рядах разом подались вперед, мгновенно прекратив болтать.

На сцену легким, пружинящим шагом вышел Он.

Для Анны и для всех присутствующих в эту секунду время словно замедлило свой ход, а пространство вокруг сузилось до размеров этой скрипучей сцены. Летчик казался существом из совершенно иного, недостижимого мира. Он выглядел так, будто сошел прямо с цветной голливудской киноафиши тридцатых годов, рекламирующей очередной блокбастер от Paramount Pictures. Высокий, широкоплечий, он нес себя с той естественной, ленивой грацией, которая дается лишь людям с абсолютной уверенностью в собственной неотразимости. Его темные волосы были волосок к волоску зачесаны назад с помощью помады и блестели в лучах солнца. Кожаная летная куртка с потертыми армейскими нашивками сидела на его атлетичной фигуре так ладно, словно была его второй кожей.

Старшеклассницы в первом ряду судорожно вздохнули и перестали дышать. Они впились в него восхищенными глазами, поминутно поправляя воротнички блузок и пряча смущенные улыбки. Летчик обвел зал своей ослепительной улыбкой кинозвезды и поднял руку, призывая к порядку. В его жесте не было армейской жесткости — лишь легкое, дружеское превосходство.

— Всем привет! — его голос, глубокий и уверенный, без труда перекрыл остатки гула. — Меня зовут Гордон Олдридж, я лейтенант Воздушного Корпуса Армии США. А по совместительству — инструктор в вашем городском авiakлубе. Наша страна сейчас строит лучшие в мире самолеты, и нам отчаянно нужны парни — отважные, здоровые, готовые к тяжелым тренировкам. Чтобы мы были уверены: ни один враг не сунется в наше небо.

Зал снова зашумел, утопая в аплодисментах. Ребята начали переглядываться, их глаза загорелись мальчишеским азартом. Гордон, чуть прищурившись от яркого света, весело подмигнул девчонкам на первом ряду, отчего те разом зашептались и продолжили пожирать глазами летчика.

— А девушкам можно в авиацию? — звонко, перекрывая хлопки, выкрикнула хорошенькая шатенка с третьего ряда, густо покраснев под взглядами подруг.

Гордон снисходительно и мягко улыбнулся, покачав головой: — В принципе, можно. Но девочки прекрасно работают и в наземных службах. Диспетчеры, радистки, метеорологи, техники по эксплуатации. Работы полно, штурмуйте наш клуб, мы всем рады!

Именно в этот момент, посреди этого колышущегося, восторженного моря голов, медленно и решительно поднялась Анна. В её угловатой фигуре не было ни капли кокетства. Она стояла прямо, как струна, игнорируя удивленные взгляды соседей. Гордон заметил движение в центре зала. Его взгляд зацепился за бледное девичье лицо и серьезные глаза. Пилот едва заметно кивнул, приглашая её говорить.

— Скажите, лейтенант Олдридж, — ее спокойный голос прозвучал удивительно отчетливо в притихшем зале. — А как удастся избежать утечки масла из двигателя, когда самолет закладывает крутой вираж или летит кабиной вниз? В автомобиле оно бы уже залило всю дорогу.

Гордон Олдридж застыл на полуслове. Его отрепетированная улыбка столичного вербовщика мгновенно исчезла. На смену ей пришло искреннее удивление. Он сделал два шага к самому краю сцены, наклонив голову набок и внимательно разглядывая девчонку в ситцевом платье.

— Ого... Неожиданный вопрос для леди, — произнес он, и в его тоне впервые проскользнули серьезные, уважительные нотки. — Видите ли, авиационные моторы устроены совершенно иначе. Мы используем систему смазки с так называемым «сухим картером». Масло не болтается в поддоне свободным ходом, а принудительно откачивается в отдельный, полностью герметичный бак.

Анна даже не моргнула. В её глазах разгорелся тот самый холодный, профессиональный азарт, с которым она вчера разбиралась с «Бьюиком». Она говорила с ним на одном языке — языке железа, давлений и допусков.

— Значит, одного нагнетающего насоса мало? — развивала она мысль, подавшись вперед. — Нужен еще и откачивающий? Или даже два, с разных концов картера, чтобы при крутом пикировании не случилось масляного голодания системы?

— Филлипс, заткнись уже, не мешай слушать! — раздраженно выкрикнул с места Рон, тот самый долговязый оболтус, чей «Форд» вчера не завелся. — Иди гайки свои крути в мастерской!

Зал дружно расхохотался. Анна резко сжала губы в узкую линию. Кровь горячеей, жгучеей волной прилила к её щекам, окрасив их пунцовым румянцем. Ей стало нестерпимо обидно, но она не опустила головы. Она упрямо, сцепив пальцы на сумке, продолжала смотреть на Гордона, требуя ответа.

Но лейтенант Олдридж больше не улыбался. Его лицо мгновенно посерьезнело. Он сурово, сверху вниз, полоснул ледяным армейским взглядом хохочущего Рона. Под этим взором долговязый парень мгновенно стушевался, сжался и испуганно втянул голову в плечи, умолкнув.

Гордон снова повернулся к Анне. В его глазах теперь читалось не просто удивление, а неподдельное восхищение. Он смотрел на эту худенькую девушку так, словно посреди картофельного поля неожиданно нашел дорожный хронометр.

— Я впервые в жизни вижу... Как, Вы сказали, Вас зовут? — негромко спросил он, и весь зал замер, прислушиваясь к его словам.

— Анна. Анна Филлипс.

— Возьмите ее, сэр! — выкрикнул кто-то с задних рядов, пытаясь вернуть прежнее веселье. — Она вам весь Воздушный корпус на винтики разберет за полчаса!

Школьный зал снова покатылся со смеху, но уже тише, без прежней злобы. Гордон лишь ободряюще улыбнулся Анне, полностью игнорируя выкрики.

— Анна, приходите в субботу в наш аэроклуб, — произнес он, глядя только на неё. — Я покажу вам двигатель нашего «Кёртиса». Сможете заглянуть ему прямо в чрево. Придете?

— Приду обязательно, — твердо ответила она.

В эту самую секунду внутри Анны — там, где всегда жил только точный расчет механика — шевельнулось что-то пугающе новое. Это было едва уловимое, тонкое чувство, похожее на внезапное замирание сердца на вершине американских горок, прямо перед стремительным падением вниз. Мир её привычных железок, где всё подчинялось незыблемым законам физики, вдруг сдвинулся со своей оси. Рядом с этим пахнущим небом и свободой лейтенантом её собственная жизнь в городке показалась ей тесной и душной. Ей впервые в жизни до боли захотелось, чтобы мужчина смотрел на неё не просто как на сообразительного подростка, умеющего держать рожковый ключ.

— Отлично, — Гордон заговорщически подмигнул ей, и у Анны на секунду перехватило дыхание. — Потому что этот чертов мотор на самолете заклинило. Искра есть, топливо идет, но он упорно не желает схватывать. И никто на всем аэродроме не понимает почему.

— Я приду с отцом, — уверенно произнесла Анна, справляясь с волнением. — Мы починим ваш самолет.

— Попробуйте. Хотя, признаться, вряд ли у вас выйдет. Наши техники исправили всё, что могли.

Гордон снова улыбнулся своей разящей улыбкой, повернулся на каблуках и вернулся к центру сцены. Напряжение спало. Он продолжил лекцию, увлеченно рассказывая о тактике воздушного боя, активно жестикулируя и показывая руками траектории мертвых петель и виражей. Ребята смотрели на него, буквально разинув рты.

Но для Анны всё это уже было лишь далеким шумом. Она сидела, глядя на его порхающие руки, а внутри неё продолжал вибрировать тот самый странный, жаркий укол. Та история с Роном сейчас показалась ей настолько глупой, что даже и не стоила больше ни малейшего переживания.

Как только лекция закончилась, толпа мальчишек плотным кольцом облепила пилота. Они засыпали его вопросами, и вся эта гудящая гурьба вместе с лейтенантом шумной толпой вывалилась в школьный коридор.

Большой зал опустел в одно мгновение. Окна всё еще дребезжали от далеких криков на школьном дворе, а в косых лучах солнца лениво кружились золотые пылинки. Анна осталась одна. Она медленно опустилась на жесткий деревянный стул, вытащила из холщовой сумки тетрадь и остро заточенный карандаш. Её пальцы, еще хранившие вчерашний запах мазута, замерли над белым листом, а затем быстро, начали набрасывать схему двойного откачивающего насоса для авиационного картера. А на самом краю полей, едва заметно, она вывела аккуратное: «Суббота. Аэродром».

* * *

Глава 8

Субботний полдень обрушился на бетонную площадку городского парка оглушительным ревом. Сюда, на временный полевой аэродром, согнали несколько устаревших военных бипланов, и местная молодежь буквально штурмовала кабины. Воздух был пропитан едким запахом высокооктанового авиационного бензина, раскаленного металла и дешевой сладкой ваты. Горожане возбужденно кричали, оркестр безуспешно пытался переиграть треск двигателей, а вокруг самолетов кружили толпы зевак.

В стороне от этого праздничного хаоса, у одного из замерших бипланов, стояли трое. Гордон Олдридж с привычной небрежностью потянул двумя руками вверх тяжелый дюралевый кожух моторного отсека, обнажая хитросплетение трубок и цилиндров авиационного двигателя. Кен Филлипс, прищурившись от бьющего в глаза солнца, тяжело наклонился вперед и заглянул внутрь. Слова здесь были бесполезны — любой звук мгновенно тонул в плотном, вибрирующем авиационном гуле. Мужчины общались короткими, емкими жестами, понятными только тем, кто привык работать руками.

Кен повернул голову и махнул дочери в сторону стола. Анна понимающе кивнула. На деревянном верстаке, наспех сколоченном у края площадки, она бережно раскрыла их старый отцовский ящик с инструментами. Гордон, засунув руки в карманы куртки и демонстративно поглядывая на свой летный хронограф, скептически наблюдал за её движениями. В его позе читалось вежливое, но твердое недоверие столичного щеголя. Притащить на аэродром девчонку, пусть и сообразительную, казалось ему чистой воды чудачеством.

Анна на его скепсис даже не посмотрела. Она развернула на верстаке кусок чистой ткани. Спокойно, с какой-то почти религиозной неторопливостью и любовью, она доставала из ящика пассатижи, гаечные ключи, отвертки с наборными ручками. Каждую деталь она тщательно протирала тряпкой от старой смазки и укладывала на белую ткань в идеальный, ровный ряд. Эта выверенная эстетика труда заставила Гордона на секунду нахмуриться — так раскладывают инструменты хирурги перед сложной операцией. Его снисходительный взгляд сменился легким, пока еще мимолетным интересом.

Время потекло по-другому, когда солнце начало тонуть в багровом, тяжелом закате. Праздник кончился. Возбужденная толпа разошлась, самолеты на площадке зачехлили плотным брезентом, и парк погрузился в вечернюю прохладу. Лишь у одного биплана, сиротливо стоявшего в стороне, горела переносная лампа. Её тусклый свет выхватывал из темноты стол, заваленный снятыми деталями, и три фигуры. Кен, чье лицо и руки были густо измазаны угольной сажей, устало опирался о стол. Рядом стоял Гордон, на чьем лице от прежней столичной спеси не осталось и следа — только напряженное ожидание.

Анна держала в руках тяжелый металлический блок магнето. Её пальцы бережно оглаживали холодные контуры узла, пока она не нащупала то, что искала.

— Трещина в корпусе магнето, пап, — торжественно произнесла она, глядя на отца. — Искра есть, но она бьет по корпусу. Насосы качают вхолостую.

Кен гордо выпрямил спину, вытер лоб рукавом, отчего сажа размазалась еще сильнее, и повернулся к пилоту:

— К бабке не ходи! Мотор мертв, лейтенант. Без нового корпуса этот зверь не оживет.

Гордон несколько секунд молча смотрел на Кена, словно переваривая услышанное, а затем медленно перевел взгляд на Анну. В его глазах улетучились последние остатки высокомерия. На их месте появилось глубокое, почти благоговейное уважение.

— Сэр, вы лучший механик из всех, кого я видел, — тихо сказал Гордон, качая головой. — А ваша дочь..., это вообще нечто уникальное. На аэродроме три инженера три дня чесали затылки. А вы вот так просто взяли и нашли эту трещину! Вы чертов гений, мисс Филлипс!

Анна хитро прищурилась. Она подняла руку и тыльной стороной ладони вытерла испачканную мазутом щеку, оставив на бледной коже темный след. — Можно с вами полетать, лейтенант Олдридж? — спросила она с легким вызовом. — За диагностику.

Гордон рассмеялся — искренне, открыто, и этот смех стер между ними всякую дистанцию. — Вам теперь все можно, мисс Филлипс, — он повернулся к Кену, посерьезнев. — Вы не против, сэр? На моем «Стирмане» мотор в полном порядке.

Кен посмотрел на небо, где загорались первые бледные звезды, затем на сияющие глаза дочери. Он тяжело вздохнул. — Смотри, сынок, там потише, — глухо проворчал он. — Не люблю я это дело. На земле оно как-то привычнее.

— Не волнуйтесь, сэр. Доставлю в целости, — пообещал Гордон, и в его голосе прозвучала надежность мужчины, отвечающего за свое слово.

* * *

Вечерний воздух сделался бархатным, когда желтый биплан «Стирман» уверенно разрезал плотные слои облаков. Земля внизу стремительно сжималась, превращаясь в крошечную, игрушечную карту с едва заметными огоньками домов.

В открытых кабинах самолета — Анна впереди, Гордон сзади — они казались единственными живыми существами в этом бескрайнем, засыпающем мире. На них были кожаные шлемы и огромные летные очки. Поток чистого ветра с силой бил в лицо, но Анна не пряталась за козырек. Она обернулась, ловя ртом этот чудесный воздух. Несколько белокурых прядей выбились из-под шлема и бешено плясали на ветру. Девчонка смеялась — громко, навзрыд, от абсолютного, чистого восторга, который до этого никогда не испытывала.

Гордон смотрел на неё через прозрачное стекло кабины. Его улыбка была мягкой. Он видел, как эта колючая девочка-механик в одно мгновение преобразилась, растворившись в небе. В ней не было страха — только первозданная, чистая радость первооткрывателя. Самолет заложил мягкий вираж, и на секунду они зависли на фоне огромного, багрового солнца, утопающего в горизонте. Для Анны в этот миг границы вселенной раздвинулись навсегда. Она поняла, что больше никогда не сможет принадлежать только земле.

Биплан мягко коснулся колесами бетона, пробежал по дорожке и, качнувшись, замер. Гордон заглушил мотор. Лопасты винта сделали несколько ленивых оборотов и остановились, оставив их в оглушительной тишине наступающей ночи.

Анна, не дожидаясь, пока пилот выберется и поможет ей, ловко перемахнула через борт и прыгнула на землю. На её лице сияла сумасшедшая, счастливая улыбка, а колени слегка подрагивали от непривычной земной тяжести. Гордон прыгнул следом, на ходу стягивая очки и перчатки.

— Ну как?... — спросил он, внимательно вглядываясь в её лицо.

Анна посмотрела на свои руки, всё еще испачканные мазутом после дневной работы, затем перевела взгляд на Гордона. Эмоции так сильно душили её, что слова застряли в горле. Внутри неё, прямо под сердцем, снова укололо то самое тонкое, пугающее чувство, которое она впервые ощутила в актовом зале. Но теперь оно смешалось с восторгом полета. Она уверенно сделала шаг вперед и, подражая взрослым мужчинам-мастерам, протянула ему свою грязную ладонь.

— Это лучшее, что было в моей жизни, лейтенант, — совершенно искренне произнесла она.

Гордон на секунду замешкался, глядя на её тонкую испачканную руку. А затем на его лице появилась теплая, очень серьезная улыбка. Он крепко, по-мужски сжал её ладонь, ничуть не боясь испачкаться в мазуте.

— Из Вас выйдет чертовски хороший инженер, Анна, — произнес он, впервые назвав её по имени.

Анна резко развернулась и, пряча вспыхнувшее лицо, побежала в темноту площадки, туда, где у старого грузовичка её ждал отец. А Гордон Олдридж еще долго стоял у крыла своего «Стирмана», глядя ей вслед с задумчивой, непривычно мягкой улыбкой, понимая, что эта странная девчонка только что перевернула что-то в его собственной устоявшейся жизни.

* * *

Глава 9

Летный тренажерный класс городского авиаклуба был залит ярким солнечным светом. Воздух здесь пах старой фанерой, тальком и нагретой на солнце резиной. В самом центре комнаты на подвижной деревянной платформе высилась гордость клуба — аппарат Link Trainer, громоздкий, обтянутый синим брезентом ящик с крошечной кабиной, покоившийся на сложной системе вакуумных мехов. Для всего городка этот тренажер был диковинным аттракционом, но для Анны он за последние недели стал настоящим алтарем.

На ней было легкое ситцевое платье, но голову утяжелял громоздкий, пахнущий чужим потом кожаный шлем с толстыми наушниками. Пальцы девочки мертвой хваткой сжимали рога маленького штурвала.

Рядом, строго удерживая уставную дистанцию в полшага и заложив руки за спину, стоял Гордон Олдридж. На нем была отглаженная форменная рубашка лейтенанта Воздушного Корпуса с блестящими знаками отличия. Его лицо было сосредоточенным, а голос — ровным, сухим и лишенным малейших интонаций, которые можно было бы принять за заигрывание. Офицерский кодекс и строгая дисциплина тридцатых годов не допускали компромиссов: перед ним был ребенок, одаренная школьница, дочь уважаемого в городе мастера, и Гордон просто вел себя как внимательный инструктор.

— Итак, мисс Филлипс, — произнес он, глядя исключительно на приборную панель над её плечом. — Представь, что ты в облаках. Видимости ноль. Вся твоя жизнь сейчас — это три прибора: авиагоризонт, высотомер и компас. Нос задирается — стрелка поползла вверх. Давай, плавно от себя.

Анна, увлекшись симуляцией, слишком резко толкнула штурвал вперед. Вакуумные меха под платформой мгновенно отозвались громким, шипящим выхлопом воздуха, и брезентовая кабина резко клюнула носом вниз. Анна вскрикнула, едва не ударившись лбом о круглые окошки приборов.

Гордон не рассмеялся. Он лишь едва заметно нахмурился, сохраняя профессиональную строгость.

— Полегче, мисс Филлипс. Мы не в пике уходим. Самолёт любит нежность. Представь, что штурвал — это живая птица. Сожмёшь слишком сильно — задушишь. Отпустишь — улетит. Давай ещё раз. Плавно, только пальцами.

Он протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев, скорректировал положение её руки на штурвале, тут же убрав ладонь обратно за спину. Это было чисто техническое, секундное движение инструктора.

Но для совсем юной Анны этот секундный жест отозвался оглушительным, пугающим ударом сердца в груди. Ей показалось, что от его пальцев по её руке прошел настоящий электрический разряд. Она замерла, боясь пошевелиться, чувствуя, как к щекам под кожаным шлемом приливает жаркая кровь. Гордон стоял так близко, от него пахло уставным мылом, табаком и той невероятной свободой, которую дает только небо, и Анна влюблялась в него с каждой секундой этой изнурительной тренировки, отчаянно и тайно, как умеют влюбляться только в её возрасте. Сам лейтенант, разумеется, все понимал.

— Чувствуешь ход? — сухо спросил он, указывая на приборную панель. — Теперь потяни на себя. Чуть-чуть.

Анна послушно и плавно потянула штурвал. Меха под платформой со свистом качнулись, выравнивая кабину. Белая стрелка прибора замерла строго по центру шкалы.

— Выровняла... — Анна улыбнулась, шумно выдыхая и пытаясь совладать с дрожью в голосе. — Смотри, Гордон, я держу горизонт!

— Я и не сомневался, — ответил Олдридж, и в его голосе впервые промелькнула сдержанная гордость за ученицу. — У тебя интуиция, Анна. Лётная интуиция. Редкая вещь.

Он сделал шаг назад, давая ей пространство, и отработанным движением открыл защелку фанерной дверцы кабины. Гордон протянул ей руку — вежливо, подчеркнуто официально, помогая выбраться с высокой платформы тренажера. Анна приняла его ладонь, легко прыгнула вниз и на долю секунды оказалась лицом к лицу с ним, ощутив тепло от его форменной рубашки.

Испугавшись собственной смелости, девчонка тут же смущенно отвела взгляд в пол и торопливыми, неловкими движениями начала стягивать тяжелый шлем, рассыпая по плечам свои светлые волосы. Гордон Олдридж спокойно отступил еще на шаг, вернувшись к уставной дистанции, и удовлетворенно кивнул, готовый завершить этот урок.

* * *

Глава 10

Над засыпающим городком медленно сгущались плотные, сизо-синие сентябрьские сумерки. Зной наконец отступил, уступая место прохладному воздуху, но нагретая за день земля у ворот мастерской Кена Филлипса всё еще дышала осязаемым теплом. Прямо у распахнутых деревянных дверей, на перевернутых ящиках из-под фордовских запчастей, сидели двое мужчин.

Кен был в своей неизменной, выдавшей виды рабочей майке, обнажавшей его мощные, покрытые застарелыми шрамами и вьевшимся мазутом плечи. Гордон сидел напротив — в отглаженных армейских брюках и рубашке с расстегнутым воротом. Между ними, на перевернутой бочке из-под машинного масла, заменяющей стол, сиротливо громоздилась глиняная тарелка с вяленным мясом и несколько открытых бутылок дешевого местного пива. Кожаная летная куртка лейтенанта была небрежно брошена на соседний ящик.

Из глубокого, пахнущего канифолью полумрака мастерской доносился ритмичный стук железа — Анна, уединившись у дальнего верстака, методично перебирала какой-то мелкий узел, давая мужчинам побыть наедине. Но Кен прекрасно знал: девчонка ловит каждое слово.

Старый механик сделал долгий, неторопливый глоток прямо из горлышка, вытер усы тыльной стороной ладони и оценивающе, с тяжелым прищуром посмотрел на лейтенанта. Его мозолистая рука весомо легла на колено.

— Значит, лейтенант, говоришь, моторы у вас в Авиакорпусе без дефектов? — негромко, но сурово начал Кен, и в его голосе промелькнул опасный огонек старого фронтовика. — И всё у вас там на военных заводах гладко да ладно?

Гордон спокойно принял вызов. Он не отвел взгляда, не заерзал на жестком ящике, а лишь слегка подался вперед, сохраняя офицерскую выправку.

— Я этого не говорил, мистер Филлипс, — ровно ответил он. — Но новые двигатели «Эллисон» — это действительно шаг вперед. Двенадцать цилиндров, жидкостное охлаждение, колоссальная мощность для истребителя.

— Шаг вперед, говоришь? — переспросил его Кен, подавшись навстречу. — А ну-ка ответь мне, сынок. Если на твоём «шаге вперед» от вибрации оборвет шпонку? Что ты будешь делать на пяти тысячах футов? А, летчик?

Гордон на секунду задумался. В ту же секунду в глубине темной мастерской внезапно затих ритмичный стук инструмента. Анна замерла, прислушиваясь к разговору у бочки. В наступившей тишине было слышно лишь, как остывает жестяной навес над их головами.

— Если срежет шпонку на «Эллисоне», мотор не просто заглохнет, сэр, — спокойно, взвешивая каждое слово, заговорил Гордон. — Из-за сильного встречного потока воздуха винт продолжит вращаться на авторотации. Он превратит весь газораспределительный механизм в кашу за три секунды. Клиренс клапанов уйдет, поршни разнесут головку блока.

— И? — Кен прищурился еще сильнее, впиваясь взглядом в лицо пилота. — Дальше что, лейтенант? Прыгать с парашютом? Бросать казенную машину к чертям?

— Нет, — твердо отрезал Гордон. — Прыгать я не стану. Первое, что я сделаю, — вручную переведу шаг винта на максимум, чтобы хоть немного затяжелить лопасти и сбить высокие обороты. Перекрою топливный кран, выключу зажигание и буду планировать до ближайшего пригодного поля. У наших машин жесткое крыло. Оно удержит воздух, мистер Филлипс. Если только пилот не запаникует в первые три секунды.

Кен Филлипс долго, не мигая, всматривался в лицо молодого офицера. Напряжение, копившееся в глазах старого механика, медленно таяло. Он искал в этом парне столичную спесь, но нашел лишь уверенную правоту человека, который знает цену железу и собственной

жизни. Кен одобрительно, громко крикнул, потянулся к бочке, взял запотевшую бутылку и протянул её Гордону. Стекло соприкоснулось с глухим, чистым звоном.

— А ты не промах, лейтенант, — Кен впервые за вечер скупно улыбнулся. — Другой бы на твоём месте начал плести мне сказки про абсолютную надёжность армейской техники и министерские гарантии. Ладно. Обиды в сторону. Давай ещё по бутылочке, пока пиво холодное.

Гордон облегченно улыбнулся и сделал глубокий глоток. Суровый экзамен на право дышать одним воздухом с дочерью механика был завершен.

В следующий момент из полумрака мастерской к бочке вышла Анна. Она не спеша вытирала испачканные пальцы ветошью, а на её лице играла хитрая, абсолютно торжествующая улыбка. Она смотрела на мужчин так, словно заранее знала исход этой дуэли. Без лишних слов девчонка пристроилась на третий ящик, прямо рядом с Гордоном, едва не коснувшись плечом его рубашки.

— Ну что, пап? — весело прищурилась она, отправляя в рот кусочек мяса с тарелки. — Экзамен сдан? Можно лейтенанту Олдриджу доверять ремонт нашего капризного оборудования? Или пускай ещё поучит матчасть?

— Сдать-то сдал, — притворно заворчал Кен, хотя в глубине его глаз зажглись теплые смешинки. — Да только теория это всё, Энни. На бумаге вы все горазды красиво планировать до ближайшего поля. А вот как масло из пробитого картера на лобовое стекло погонит, — вот там мы и посмотрим, из какого теста ваш хваленый Авиакорпус сделан.

Механик легко поднялся со своего ящика, подхватил пустую стеклянную тару и, проходя мимо дочери, бережно сгреб её ладонью за плечо, слегка взъерошив светлые волосы.

— Ладно, ребята, засиделись, — Кен зевнул, глядя на темнеющее небо. — Завтра рано вставать, у фермера Джонсона тракторный пускач барахлит. Гордон, пойдешь по нашей улице — будь внимательней. У нас фонари через один горят, мэр опять на городском электричестве экономит, проклятый скряга.

— Обязательно, мистер Филлипс. Спокойной ночи, — Гордон тоже поднялся, подхватил куртку и забросил ее на плечо.

Кен коротко кивнул и медленно ушел вглубь двора, его тяжелые шаги вскоре стихли за дверью дома. Гордон и Анна остались вдвоем на опустевшем дворе мастерской. На город опустилась провинциальная ночь, и в наступившей тишине со стороны вязовой аллеи в полную силу застрекотали цикады.

— Твой отец суров, — Гордон покачал головой, поворачиваясь к Анне. На его губах играла легкая улыбка, но в голосе всё еще слышалось перенесенное напряжение. — Признаться, в какой-то момент я подумал, что он меня сейчас тяжелым разводным ключом перетянет вдоль хребта за неправильный ответ.

Анна заливисто рассмеялась, глядя на него снизу вверх.

— Он просто очень боится за меня, Гордон. После смерти мамы я — это вообще всё, что у него осталось в жизни. Мастерская и я. Но ты ему понравился, честно. Он редко с кем делится своим лучшим вяленным мясом, поверь мне на слово.

— Тогда я искренне польщен, — Гордон сделал полшага вперед, сокращая расстояние, но упрямо удерживая ту самую едва заметную границу, которую диктовал ему офицерский устав. Он бережно посмотрел на её юное лицо, освещенное светом луны.

— Анна... а в следующую субботу... ты придешь в аэроклуб? Я покажу тебе настоящую кабину нашего «Кёртиса». Не учебный стенд. Приборы, лампы, тумблеры. Придешь?

Анна замерла. Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза — открыто, упрямо, со всей той неистовой девичьей силой, которая крепла в ней с каждым днем.

— Приду, — тихо ответила она. — Обязательно приду, Гордон.

Лейтенант протянул ей руку для прощания — вежливо, по-мужски, как делал это всегда. Анна вложила свою маленькую ладонь в его теплую руку. Гордон крепко сжал её пальцы, чуть

дольше обычного задержав их в своей ладони. Он тепло улыбнулся ей, развернулся на каблуках и медленно пошел прочь по темной, тонущей в пыли и стрекоте цикад улице.

А влюбленная Анна Филлипс еще долго стояла у распахнутых ворот отцовской мастерской, неотрывно глядя ему вслед, пока его высокий силуэт окончательно не растворился в темноте тридцать пятого года.

* * *

Глава 11

1936

В свои двадцать три Гордон не знал отказов. Внешность в духе Эррола Флинна и небрежно расстегнутый летный френч с серебряными крылышками работали безотказно. Он привык к легким победам и не забивал голову именами девиц, с которыми проводил ночи в дешевых привокзальных гостиницах. Дольше месяца эти интрижки не тянулись. Гордон остывал мгновенно и заявлял об этом прямо — безжалостная, но честная стратегия. Она избавляла его от шумных сцен прямо у ангаров, хотя обратной стороной этой честности всегда становились женские слезы и мольбы «не бросать ее так жестоко».

Но с Анной все было по-другому. Гордон сразу увидел, что она к нему не равнодушна. Она настолько была открытой и вела себя так искренне, что Гордон взял себя в руки и сам себе поклялся, что не даст девчонке окончательно потерять голову. К тому же ей было всего шестнадцать, а Гордон Олдридж вырос в потомственной офицерской семье, где Кодекс чести и понятие «Джентльмен» не были пустым звуком.

Весь этот год их общим небом стал старый, пахнувший касторкой, бензином и перегретой перкалью ангар на окраине городка. Для Анны субботы превратились в ослепительные вехи, разделявшие серые школьные будни. Гордон прилетал ровно в десять утра. Его серебристый биплан заходил на посадку со стороны рапсового поля, и Анна уже по звуку мотора Continental знала, как именно Гордон держит штурвал — уверенно, чуть щегольски, с легким креном на левое крыло перед самым касанием земли.

Ее отец, Кен, поначалу молча куривший на пороге своей мастерской, быстро разглядел в Олдридже то, что не всегда давалось гражданским: железную косточку и абсолютную честность перед техникой. Мужчины понимали друг друга без лишних слов. Гордон никогда не позволял себе фамильярности; приходя в дом Филлипсов, он вежливо снимал пилотку, аккуратно вешал свой летный китель на спинку стула и принимал от Кена чашку крепкого черного кофе так, словно это был высший офицерский орден. Кен видел, как загораются глаза его дочери, когда Гордон просто произносил её имя, и это молчаливое, суровое благословение отца стало той невидимой границей, которую лейтенант Олдридж поклялся себе никогда не переступать до времени.

Но сдерживать себя с каждым месяцем становилось все невыносимее. Осень сменилась затяжной зимой с её пронзительными ветрами, завывавшими в щелях деревянного ангара. Работать приходилось вдвоем, с трудом согревая заочевенные пальцы. Анна в своем мешковатом комбинезоне, испачканном машинным маслом, казалась Гордону хрупким подростком только до тех пор, пока она не поднимала на него глаза. В полумраке ангара, под тусклым светом единственной лампы, её взгляд казался запредельно глубоким.

Они стояли слишком близко. Проверая натяжение расчалок или перебирая карбюратор, их руки постоянно сталкивались. Гордон перехватывал тяжелый гаечный ключ из её ладони, и это короткое прикосновение кожи к коже отзывалось в его груди глухим, мощным ударом. Ему, привыкшему к легким и быстрым победам, теперь приходилось вести самую тяжелую войну в своей жизни — войну с собственной кровью. Он ловил себя на том, что вместо чертежей и инструкций Авиационного корпуса подолгу разглядывает её профиль, тонкую шею, на которую падали выбившиеся из-под косынки пряди волос, и изгиб губ, которые она упрямо закусывала, когда сталкивалась с капризным узлом мотора.

Весна взорвалась буйным цветением и принесла с собой настоящую пытку юностью. Теплый воздух провинции был пропитан ароматами цветущих яблонь и нагретой земли. Анна изменилась. Гордон с замиранием сердца видел, как под грубой тканью летного комбинезона оформляется её фигура, как округлились бедра и походка потеряла прежнюю угловатость. Она

больше не была просто девчонкой, которая глядит исподлобья. Она превращалась в женщину, и это превращение пугало и манило его одновременно.

Их свидания в аэроклубе после тренировочных полетов стали похожи на хождение по краю грозового фронта. Когда солнце уходило за горизонт, окрашивая небо над взлетной полосой в багровые и золотые тона, они уходили к дальнему краю поля, где высокая трава укрывала их от редких прохожих. Бьющая через край молодость требовала своего. Анна, ведомая своей абсолютной, чистой любовью, не умела и не хотела притворяться недоступной, как учила её Мэгги. Она тянулась к нему всем своим существом, с той обезоруживающей искренностью, против которой у когда-то циничного лейтенанта не было оружия.

Гордон садился на траву, спиной к деревянному колесу старого планера, и Анна устраивалась рядом, доверчиво прижимаясь щекой к его плечу. В эти минуты тишины, когда цикады начинали свой монотонный концерт, Гордон чувствовал, как бешено колотится её сердце. Стоило ему обнять её за талию, как тело Анны вздрагивало, словно от легкого удара тока. Она поднимала лицо навстречу его дыханию, её ресницы трепетали, а губы приоткрывались в немом, томительном ожидании.

Он целовал её — сначала бережно, почти благоговейно, пытаясь удержать себя в рамках джентльменского кодекса, который ему с детства вбивал отец-офицер. Но лавина молодости ломала любые плотины. Его пальцы сами зарывались в её густые волосы, прижимая девушку ближе, так, что между ними не оставалось даже дюйма пространства. Анна тихо вздыхала, обхватывая его шею тонкими, сильными руками механика, и эти поцелуи уносили ее из реальности. В такие секунды Гордону казалось, что его самолет свалился в штопор, земля летит навстречу с сумасшедшей скоростью, а приборы зашкаливают от перегрузки. Его ладонь скользила по её спине, чувствуя горячую кожу через тонкую ткань платья, опускалась к изгибу бедра, и внутри все выгорало от сладкого, мучительного напряжения.

Анна сама теряла голову: её дыхание становилось прерывистым, она теснее прижималась к его сильному телу, и в её глазах, когда они на миг отстранялись друг от друга, читалась такая первозданная, пугающая готовность отдать ему всю себя, что у Гордона темнело в глазах. Сдерживать эту бурю стоило ему невероятных усилий. Он буквально заставлял себя разжимать пальцы, бережно отстранять её за плечи и глубоко, жадно вдыхать прохладный ночной воздух, пытаясь усмирить бунтующее тело.

— Еще немного, Энни, — хрипло шептал он, упираясь лбом в её лоб и чувствуя, как её лихорадочно бьющийся пульс отдается в его собственных пальцах. — Еще совсем немного.

Она кивала, преданно и мучительно глядя на него своими огромными глазами, и они снова сидели в обнимку до самой полуночи, согреваемые лишь общим дыханием и той огромной, чистой силой, которую они так бережно и трудно несли через этот бесконечный год.

— Я люблю тебя, Горди — просто сказала Анна и выжидательно посмотрела на него своими огромными честными глазами.

В этот момент лейтенант Авиационного корпуса Гордон Олдридж принял для себя жизненно важное решение.

— Я тоже очень люблю тебя. Ты самая потрясающая девушка на свете. Ты выйдешь за меня, Анна Филлипс?

— Да, — просто ответила Анна и они опять целовались до головокружения.

— Когда тебе исполнится семнадцать, — говорил ей Гордон слегка отдышавшись, — я поговорю с твоим отцом, мы будем самой счастливой в мире парой. Я буду любить тебя так, как никто еще в мире никого не любил.

Так продолжались эти почти невинные отношения. Анна заканчивала школу, а Гордон получил назначение в Буффало, на новое военное предприятие, где проектировали перспективный истребитель и владелец фирмы Bell Aircraft, сам Ларри Белл, запросил у Авиационного корпуса летчика-испытателя. Да не просто летчика, а самого классного! Таков был Ларри —

он всегда требовал для своих идей самых передовых научных открытий и старался окружить себя самыми выдающимися сотрудниками.

Однако Гордон смотрел на Анну не просто как на будущую жену. Он понимал: запереть дома такой талант — преступление, и твердо решил помочь ей поступить в университет.

Как раз тогда, в тридцать шестом, Университет Буффало открыл Высший колледж, где готовили инженеров для взлетевшей ввысь авиапромышленности. Гордон разузнал всё на инженерном факультете, раздобыл программу подготовки и скупил, кажется, половину магазина канцтоваров: учебники, бумагу, тушь и тяжеленный кульман. Когда он, запыхавшись, ввалился со всем этим богатством в комнату, Анна и Кен замерли в изумлении.

Гордон тут же принялся увлеченно объяснять правила приема. Кен, окончивший свои курсы автомехаников ровно сто лет назад, быстро потерял нить разговора — особенно когда Гордон посоветовал Анне налегать на аэродинамику и законы обтекания крыла. Пока молодые люди увлеченно чертили план подготовки к тестам, Кен, знавший изнанку жизни куда лучше них, уже хмуро подсчитывал в уме, во сколько им обойдется хотя бы первый год обучения.

* * *

Глава 12

В сентябре тридцать шестого года над ангарами аэродрома Буффало висел плотный, тяжелый туман со стороны озера Эри. Воздух здесь был совсем другим, нежели в пыльной глуши, где жила Анна. Здесь пахло большими деньгами, чертежной тушью, свежим бетоном взлетных полос и совершенно особым, резким лаком, которым покрывали крылья новых машин. Заводы Bell Aircraft, основанные Ларри Беллом всего год назад, бурлили как раскаленный котел. Здесь ковалось будущее американской военной авиации.

Лейтенант Гордон Олдридж стоял у кромки взлетной полосы, затянув молнии летной куртки. Рядом с ним, пряча руки в карманы дорогих шерстяных пальто, стояли двое.

Лоуренс «Ларри» Белл был прирожденным лидером — плотный, с цепким взглядом коммивояжера и манерами крупного промышленника, он умел разглядеть талант за милю. Справа от него, нервно переступая с ноги на ногу, стоял Роберт Вудс — главный конструктор компании, чьи пальцы, испачканные графитом, беспрестанно мяли поля фетровой шляпы. Под мышкой он держал свернутый в трубу лист ватмана.

— Итак, лейтенант Олдридж, — Ларри Белл затянулся сигарой, и сизый дым мгновенно растворился в тумане. — Корпус прислал вас к нам в качестве ведущего испытателя. Но мне не нужны просто парни, умеющие вслепую перелететь через континент по авиагоризонту. Мне нужен тот, кто чувствует машину всем телом. Покажите, на что вы способны. Там, на полосе, стоит наш армейский Р-30. Даю вам двадцать минут. Удивите меня.

Гордон коротко, по-военному кивнул. В его глазах не было ни капли волнения — только холодный, чистый азарт.

Через пять минут трехлопастной винт «Консолидейтеда» с яростным, рвущим барабанные перепонки треском рассек туман. Тяжелый истребитель, взревев двенадцатицилиндровым «Конкерором», сорвался с места. Гордон не стал затягивать разбег — едва оторвав колеса от бетона, он заложил крутой, энергичный вираж с набором высоты, уходя в хмурое небо над Буффало. Шасси послушно убрались в центроплан.

Ларри Белл и Вудс подняли головы.

То, что Гордон сотворил в небе, заставило даже старого циника Белла вынуть сигару изо рта. Олдридж не просто крутил пилотаж — он проверял пределы прочности тяжелой двухместной машины. Самолет на бешеной скорости заложил мертвую петлю. На самом пике, в верхней точке, Гордон на мгновение перевернул истребитель кабиной вниз — мотор на секунду чихнул от масляного голодания, но пилот тут же изящной полубочкой вернул машину в горизонт, не дав винту зафлюгироваться.

Следом истребитель ухнул в крутое, почти отвесное пикирование, стремительно набирая скорость под вой надрывающегося двигателя. Земля неслась навстречу. Роберт Вудс судорожно сжал кулаки, зная, как тяжело выводить из такого пике потяжелевший Р-30. Гордон перехитрил физику: плавным, но мощным движением рулей он выровнял самолет над самым летным полем, на высоте футов в триста. Истребитель пронесся над крышей ангара, заставив зазвенеть стекла, тут же выпустил стойки шасси и с идеальным, мягким касанием без единого покачивания замер на бетонной полосе.

Когда Олдридж, заглушив двигатель, спрыгнул с крыла и стянул летные очки, Ларри Белл уже шел к нему, широко улыбаясь.

— Черт меня дери, сынок, — Белл с силой хлопнул лейтенанта по плечу. — У тебя стальные нервы. Ты принят. Боб, покажи ему, ради чего мы здесь собрались.

Роберт Вудс быстро развернул тяжелый ватман прямо на капоте стоявшего рядом автомобиля. Гордон наклонился вперед, всматриваясь в изящный, стремительный силуэт на чертеже, и его дыхание перехватило.

Это не было похоже ни на один самолет, который он видел раньше. Никаких тупых, громоздких носов, которые закрывали пилоту весь обзор. На бумаге был прорисован фантастический, хищный профиль с невероятно вытянутой, острой носовой частью и трехколесным шасси, которое заставляло истребитель выглядеть как стрела. Он казался быстрым даже на бумаге.

— Мы называли её «Аэрокобра», лейтенант, — Ларри Белл подошел ближе, его глаза азартно блестели. Он говорил с жаром человека, который продавал не просто железо, а новую эру. — Забудьте всё, на чем вы летали раньше. Посмотрите на этот силуэт! Мы убрали двигатель из носа и спрятали его в самый центр машины, за спину пилота. Летчик сидит впереди, у него обзор как из автомобильного окна, а сама машина будет крутиться в воздухе вокруг своей оси с бешеной скоростью. Это не просто самолет, Гордон. Это оружие победы. Она влюбит в себя любого, кто хоть раз поднимется на ней в небо. Вы хотите стать первым, кто укротит эту чертовку?

Гордон Олдридж молча вел пальцем по изящным линиям фюзеляжа на ватмане. Сердце пилота забилось быстрее. Этот фантастический рисунок, обещавший невероятную скорость и маневренность, мгновенно покорила его. Это был чистый, незамутненный восторг.

— Да, мистер Белл, — негромко, но твердо произнес Гордон, поднимая глаза. — Я хочу поднять её в воздух.

Ларри Белл довольно рассмеялся и снова похлопал лейтенанта по плечу. Идея была утверждена, пилот был пойман на крючок чистых эмоций и красоты, и в этот момент никто на аэродроме Буффало не думал о формулах и расчетах. Гордон был готов летать.

* * *

Глава 13

В маленькой спальне Анны холод почти не чувствовался — его вытесняло тепло единственной настольной лампы. Ее жестяной абажур, покрытый изнутри потрескавшейся эмалью, бросал на стол резкий круг желтоватого света.

Анна сидела, немного сторбившись, словно пыталась спрятаться в собственную тень. Длинные пряди волос, выбившиеся из небрежного узла, падали на лицо, но она не замечала их. В ее пальцах, испачканных у самого ногтя фиолетовыми чернилами, быстро и ритмично двигался карандаш. Скрип грифеля по дешевой, шершавой бумаге тетради звучал в тишине комнаты как монотонный счетчик уходящего времени.

Она не просто училась — она штурмовала эти страницы. На краю стола, напоминая оборонительный бруствер, возвышалась стопка тяжелых, пахнущих типографской краской и библиотечной сыростью томов. Золотое тиснение на корешках выглядело чужеродно в этой простой комнате: «Engineering Aerodynamics», «Aircraft Materials», «Thermodynamics». Эти названия с самого начала показались ее отцу заклинаниями на чужом языке.

Стены спальни, оклеенные простенькими обоями в цветочек, хранили следы другой, недавней жизни. На них висели рекламные плакаты начала тридцатых годов: роскошные, блестящие лаком «Дюзенберги» и «Кадиллаки» с хромированными радиаторными решетками. Тогда, несколько лет назад, Кену казалось, что мир устроен просто и понятно: машинам всегда нужен ремонт, а значит, у них с дочерью всегда будет кусок хлеба. Теперь эти плакаты выглядели как памятники ушедшей эпохе сытости, разбившейся о Великую депрессию.

В дверь негромко, почти заискивающе постучали. Анна даже не подняла головы; ее карандаш продолжал выводить вязь из цифр и формул.

— Заходи, пап, — глухо бросила она, не прерывая работы.

Створка двери приоткрылась с едва слышным вздохом старых петель. Кен протиснулся в комнату боком, словно боялся потревожить застывший здесь воздух. Он инстинктивно прятал руки в карманы засаленной домашней куртки — эти руки, всегда казались ему слишком грубыми для чистой девичьей спальни.

Он остановился у порога, глядя на заваленный чертежами и исписанными листами стол. На его лице отразилась смесь отцовской гордости и растерянности одновременно.

— Поздно уже, Энни, — тихо сказал он, и его голос, привыкший перекрикивать стук автомобильных моторов, прозвучал непривычно мягко, почти робко. — Может, поспишь? Зачем только я, старый дуралей, тебе учиться посоветовал... Сам-то я за книжками отродясь не сидел, откуда мне было знать, что ради этого высшего образования придется полночи зрение портить впотьмах?

Анна замерла. Она аккуратно заложила карандаш за ухо — этот жест у нее остался еще со школы, так, почему-то, ей было удобнее. Повернув голову к отцу, она посмотрела на него тем особенным, отрешенным взглядом человека, которого силой выдернули из мира абстрактных вычислений.

— Все нормально, пап, — ее голос был ровным, но в нем чувствовалось упрямство. — Я еще немного посижу. Голову себе разобью, а эти законы обтекания крыла выучу. Без них на тесты можно даже не заявляться. Вот только...

Она осеклась. Повернувшись к темному окну, в котором отражалось ее собственное бледное лицо и висящий позади плакат с роскошным авто, Анна тихо, прерывисто вздохнула. Вся ее напускная уверенность на секунду осыпалась, обнажив страх девочки перед огромным, равнодушным миром.

— Обучение в университете Буффало платное, пап. Мы же... мы же потянем?

Кен почувствовал, как у него внутри что-то болезненно сжалось, но привычка защищать дочь сработала мгновенно. Он заставил свои плечи расправиться, а на лицо нацепил ту самую бодрую, уверенную мину, с которой обычно объявлял клиентам, что ремонт их развалюхи обойдется в сущие пустяки.

— Ну, дело известное, — Кен усмехнулся, делая шаг вперед. — Университеты — они для того и построены, чтобы из карманов честных работяг доллары выкачивать. Сколько нужно? Назови цифру, а уж мы что-нибудь придумаем. Сколько там?

Анна неуверенно посмотрела на отца

— Триста пятнадцать долларов в год. Только за первый курс.

Слово «триста» упало в комнате с тяжелым, металлическим стуком, словно сорвавшийся с домкрата моторный блок.

Кен застыл. Воздух в легких сделался густым и горячим, как выхлопные газы. Триста пятнадцать долларов. Для человека, который считал себя «уважаемым рабочим классом» и который никогда не сидел без заказов, это были деньги из другого мира. У него было отложено около восьмидесяти долларов и он считал, что этой суммы точно хватит на год обучения.

Его рука сама собой поднялась к лицу. Кен медленно, скрежещущим движением заскорюзных пальцев стал тереть колючий, давно не бритый подбородок. Он смотрел в пол, на старый, протертый до дыр коврик, не зная, куда девать глаза. Пауза затягивалась, становясь невыносимой, удушающей. Он слышал, как за окном шумит ветер, и этот шум казался ему насмешкой.

«Где взять? — стучало у него в висках. — Боже мой, где взять такие деньги? Продать мастерскую? Кому? И что потом — сидеть без работы и без денег?

Он поднял глаза и увидел, как Анна ждет его ответа. В ее лице не было мольбы — там была сосредоточенность человека, готового принять любой удар, даже самый страшный. И эта ее готовность к катастрофе ранила Кена сильнее, чем сама сумма.

Он выдавил из себя улыбку. Это стоило ему невероятных усилий; мышцы лица казались деревянными. Шагнув к столу, он тяжело, по-отцовски хлопнул дочь по плечу.

— Ну... значит, соберем! — голос его едва заметно дрогнул, но он тут же взял себя в руки, повысив тон. — Тоже мне, испугала цифрами! Не думай об этом даже. Твое дело сейчас — формулы свои зубрить, поняла? Голову забивать чертежами. Деньги — это забота мужчин, не твоя. Только спать не забывай. А то еще свихнешься, а чокнутых, сама понимаешь, в университеты не берут. Там своих дураков хватает.

Кен наклонился, чувствуя, как к горлу подступает горький комок. Он неуклюже, стараясь не поцарапать ее нежную кожу своей жесткой щетиной, поцеловал Анну в макушку. От нее пахло мылом и свежими чернилами.

Не давая ей времени заметить слезы, которые внезапно обожгли его веки, Кен быстро развернулся и вышел из комнаты, аккуратно, до щелчка, прикрыв за собой дверь. Оказавшись в полутемном, узком коридоре, Кен не пошел на кухню. Силы словно покинули его в ту же секунду, как деревянная панель отделила его от дочери.

На стене, прямо напротив него, тускло отсвечивал лакированным деревом старый громоздкий телефонный аппарат — символ связи с внешним миром, за который он постоянно забывал вовремя вносить плату. Кен сделал два шага и остановился, прислонившись плечом к шершавой стене.

Его лицо мгновенно осунулось, маска напускного добродушия сползла, оставив лишь серую, смертельную усталость одинокого мужчины, загнанного в угол. Он снова провел рукой по щетине, и этот звук показался ему похожим на шорох сухих листьев на кладбище. Триста пятнадцать долларов.

В голове Кена крутились страшные, безжалостные цифры. Зима близко. Закупочная цена на уголь выросла. Клиентов будет меньше. Он посмотрел на свои руки — широкие ладони с

узловатыми суставами, искалеченными годами тяжелой работы. Эти руки умели перебирать до винтика сложнейшие коробки передач, умели заставлять работать мертвые моторы. Но в 1936 году в Америке даже такими руками заработать эту сумму было не реально.

Отчаяние, холодное и липкое, подступило к самому сердцу. Кен закрыл глаза, и в темноте перед ним снова встал заваленный книгами стол дочери, ее тонкие пальцы с карандашом и этот безумный, сосредоточенный взгляд. Она смогла. Она выучила то, чего он никогда не поймет. Она заслужила право вырваться из этой нищеты.

«Я найду эти деньги, — подумал Кен, и его челюсти сжались так, что зубы заскрипели. — Даже если мне придется продать душу дьяволу или пойти к местным гангстерам из портовых доков. Она будет учиться».

Но как именно сделать этот первый шаг, Кен не знал. Он стоял в темном коридоре, слушая, как за дверью спальни снова раздался тихий, методичный скрип карандаша — Анна вернулась к своим формулам.

* * *

Глава 14

Осень того года выдалась сухой и злой и степной ветер снова погнал по улицам городка тучи серой, удушливой взвеси. Это был край Великих равнин, где земля, казалось, окончательно устала кормить людей и теперь мстила им, забивая мелкой пылью замочные скважины, оконные щели и легкие.

В мастерской Кена Филлипса в эти месяцы было особенно неуютно. Анна то помогала отцу с заказами, то убегала в комнату учить очередную главу по плану поступления в Университет.

По субботам, когда Анна шла за продуктами на центральную улицу, она видела, как городок медленно, но верно сходит с ума от безденежья и неопределенности. Эпоха Депрессии никуда не ушла, она просто въелась в повадки людей.

У мясной лавки миссис Шилтон вечно толпились женщины в перелицованных пальто. Сама миссис Шилтон — дородная дама с вечно поджатыми губами — стояла за прилавком как неприступная крепость.

— Полноте, Шилтон! — раздавался в полумраке лавки возмущенный голос какой-нибудь соседки. — Двенадцать центов за фунт говяжьей лопатки? Да у вас эта корова при жизни, небось, питалась исключительно бифштексами из нью-йоркского ресторана!

Миссис Шилтон даже не моргала, методично заворачивая кость в засаленную бумагу. Цена была безжалостной, как и этот осенний ветер. Те, у кого не было центов, уходили ни с чем, а мужчины городка зверели от бессилия.

Каждое утро Анна видела одну и ту же картину у автобусной остановки. Там собирались рабочие. Мужчины в пропотевших, потрепанных комбинезонах, сжав зубы от унижения, штурмовали утренний рейсовый автобус до Буффало. Они мотались туда каждый божий день в надежде поймать хоть какой-то случайный заработок в порту или на разгрузке товарных вагонов. Возвращались они поздно вечером — опустошенные, с выцветшими глазами, пахнущие дешевым табаком и безнадеей. Те, кому не везло, часами сидели на крыльцах деревянных барачков, провожая пустыми взглядами редкие автомобили. В их молчании уже не было бунта — только глухое, механическое примирение с судьбой.

Единственным, кто, казалось, не терял бодрости духа, был их сосед Майк — старый приятель Кена, чья ферма через дорогу худо-бедно сводила концы с концами. Майк часто заходил в мастерскую, якобы занять масленку или подтянуть болт на телеге, но на самом деле — просто поговорить. Ему отчаянно нужно было выговориться перед Кеном, который, в отличие от остальных, прочно стоял на ногах.

— Слыхал, Кенни? — Майк устраивался на деревянном ящике, сплевывая на иссушенную землю. — Мои-то оболтусы, близнецы, письмо прислали. Учатся в Бостоне. Аж за пятьдесят долларов за семестр! Ты представь себе эту сумму, Кенни! Пятьдесят долларов!

Кен в этот момент обычно молча перебирал подшипник, не отрывая взгляда от работы, но Майку ответы были не нужны.

— Пишут, на банкиров их там выучат, — продолжал фермер, качая головой с нескрываемой гордостью. — Ходить будут в чистых сорочках, бумажки перекладывать. Да только чему их там учат за такие деньжищи — черт их знает. В наше время, если у тебя руки из задницы растут, никакой Бостон не поможет. Но младший пишет, что в банках сейчас самый сок... Как бы эти самые банки не лопнули в один прекрасный момент как мыльные пузыри. А то ведь приползут обратно, я верно говорю.

Кен лишь скупно хмыкал в усы, но Анна, стоявшая у верстака, видела, как после этих слов отец крепче сжимал челюсти. Триста пятнадцать долларов, которые требовались за её собственный университет в Буффало, на фоне пятидесяти долларов Майка казались Кену неподъ-

емной, пугающей горой. Он понимал, что его дочь идет учиться не на «белого воротничка», перекладывающего бумажки. Она идет укрощать металл. И ради этого он был готов терпеть и засуху, и пыль, и эту безумную говядину миссис Шилтон.

Вечерами, когда Майк уходил, а за окном завывал злой ветер, Анна садилась за стол и открывала тетрадь. Она знала, что за стенами этой маленькой кухни мужчины её города сходят с ума от безработицы, а мир вокруг трещит по швам. Но каждый раз, когда у нее опускались руки, она вспоминала Гордона и ее сердце начинало биться как сумасшедшее. Она училась ради них двоих. Ради отца, который оставался один в этой выжженной глуши, и ради лейтенанта, который ждал её в Буффало.

* * *

Глава 15

1937

Это осень раскрасила кроны вязов вдоль взлетной полосы в медно-красные тона. Анна Филлипс стояла у покосившегося деревянного навеса на самой обочине пыльной загородной дороги, ведущей к аэроклубу. Воздух был сухим и пыльным, а натянутые нервы девушки казались раскаленными, как жестяная крыша отцовской мастерской. Ей исполнилось семнадцать. За этот год она досконально изучила старенький учебный «Стирман», легко вычерчивала на бумаге сложные электрические схемы зажигания и интуитивно понимала: авиация — это глубокая, пугающе сложная наука, в которую она была готова погрузиться с головой.

Но сейчас все мысли о моторах отступили. Анна заметно нервничала. Она то и дело поднимала руку и краем рукава протирала стекло маленьких наручных часов, неотрывно всматриваясь туда, где шоссе сливалось с дрожащим от зноя горизонтом.

Наконец вдали показался силуэт. Со скрипом изношенных тормозов, тяжело накренившись на ухабе и поднимая плотную тучу серой пыли, к остановке подкатил рейсовый автобус из Буффало. Не успела складная дверь распахнуться до конца, как прямо на ходу из салона выпрыгнул Гордон.

Окрыленный, сияющий, в своей неизменной летной куртке, он в один шаг преодолел разделявшее их расстояние. На ходу подхватив Анну за талию, он с силой оторвал её от земли и закружил, заставив подол её легкого ситцевого платья взметнуться в воздух. Они крепко, отчаянно прижались друг к другу, словно не виделись вечность.

— Привет! — выдохнул Гордон, бережно ставя её на ноги, но не выпуская из объятий. — Прости, я ненадолго, буквально на минуту, сейчас перехвачу попутный грузовик до базы. Но у меня такие новости, Анна! Я просто не мог не приехать. В Буффало открылась новая авиастроительная компания — «Белл». И они берут меня тест-пилотом! Представляешь? Новейшие армейские истребители. И я буду первым, кто поднимет их в небо, первым за штурвалом!

— Боже, Гордон... — Анна сияла от чистой, захлестнувшей её радости, крепче сжимая пальцами жесткую кожу его куртки. — Это же невероятно!

— Я говорил сегодня с хозяином фирмы, Ларри Беллом — потрясающий мужик, — взалёб продолжал Гордон, и его карие глаза азартно блеснули. — Сам из бывших механиков, самолёт до последней заклепки знает. Он строит совершенно безумную, фантастическую машину.

— Я так рада за тебя, — Анна прижалась щекой к его груди, слушая, как бешено колотится его сердце. — Я так сильно тебя люблю, Гордон. Но... мы ведь будем вместе там, в Буффало? А... я поступлю в университет? Я ведь справлюсь, я выучу эту чертову аэродинамику?

— Я тебя люблю больше жизни, и мы снимем квартиру в Буффало. — Гордон крепко прижал её к себе.

— Ты — выучишь все, что нужно, — теперь уже серьезным мужским тоном проговорил Гордон, а я — получу первый чек от Ларри Белла — и мы начнем собирать деньги сами на твоё обучение. Скажи мистеру Филлипсу, что я решу этот вопрос.

Октябрь вовсю хозяйничал в округе. По утрам трава у обочин аэродрома покрывалась тонким, хрустящим инеем, а воздух становился таким прозрачным, что колокольня городской ратуши была видна за добрых пять миль. Для Анны эта осень текла двояко, разделенная надвое между сухими строчками формул и горячечным, стучащим в висках ожиданием.

Её комната теперь напоминала филиал конструкторского бюро. На старом деревянном столе, потеснив девичьи безделушки, воцарился тяжелый кульман, пахнущий свежей древесиной и лаком. Рядом громоздились стопки книг, которые Гордон привез из Буффало: «Основы аэродинамики», «Сопrotивление материалов в машиностроении» и толстые справочники с

синими обложками. Анна проводила за ними каждую свободную минуту после школы и работы в отцовской мастерской. Она упрямо чертила тушью профили крыла, высчитывала подъемную силу и углы атаки, до боли в глазах всматриваясь в логарифмические таблицы.

Но строчки учебников то и дело расплывались. Стоило за окном раздаться далекому рокоту случайного самолета, как Анна роняла рейсфедер. Мысли упрямо уносили её туда, где Гордон сейчас испытывал первые узлы новой машины Ларри Белла. Она открывала тетрадь, но вместо формул видела его лицо, азартный блеск его глаз и то, как смешно взъерошивались его волосы, когда он снимал кожаный пилотский шлем.

Гордон ухаживал за ней этой осенью совсем иначе, чем это делали местные провинциальные парни. В его ухаживаниях не было сельской неуклюжести; он вел себя как настоящий офицер, бережно и вместе с тем сбивающе с толку. Из каждой поездки в Буффало он привозил ей крошечные, но такие осязаемые осколки той большой жизни, которая ждала их впереди.

В один из четвергов он прислал с попутным почтовым грузовиком небольшую коробку, перевязанную бечевкой. Внутри, среди мятых газетных листов, Анна обнаружила настоящий сокровище: флакон французских духов с ароматом вербены и лимона, тонкую шелковую ленту для волос и пачку дефицитной чертежной бумаги высшего качества. К подарку была приколота короткая записка, написанная его размашистым, летящим почерком пилота: «Для моего главного инженера. Не забывай дышать свежим воздухом, Энни. Горди». Она прижала записку к груди, вдыхая едва уловимый запах его сигарет и кожи, и поняла, что готова ради этого мужчины сдвинуть горы и выучить всю высшую математику мира.

По субботам они неизменно встречались на их месте у покосившегося навеса. Гордон больше не позволял себе той безумной, исступленной страсти, от которой у обоих кружилась голова прошлым летом. Он словно наложил на себя строгий внутренний запрет, зная, что день главного объяснения с Кеном неумолимо приближается. Он катал её на своем подержанном «Форде», который они вместе перебрали до последнего болтика, водил в крошечную городскую кондитерскую мистера Грина, где неизменно покупал ей яблочный пирог с корицей и горячий шоколад.

Они сидели у окна, Гордон накрывал её ладонь своей большой, мозолистой рукой и увлеченно рассказывал об авиационном заводе. Анна слушала его взахлеб, подперев щеку кулаком. Она видела, как меняется его лицо, когда он говорил о проектировании истребителя, и чувствовала, что они связаны не просто юношеской влюбленностью, а чем-то гораздо большим — общей страстью к небу и металлу.

Вечерами он провожал её до самого крыльца дома Филиппсов. Накануне того самого воскресенья, когда должен был состояться их решающий разговор с её отцом, они долго стояли под старым вязом. Темнота сгущалась быстро, пахло жженой листвой и скорыми заморозками. Гордон аккуратно запахнул воротник её шерстяного пальто, защищая от пронзительного вечернего ветра.

— Волнуешься перед тестами? — тихо спросил он, вглядываясь в её лицо.

— Немного, — призналась Анна, зябко поводя плечами. — Но больше я волнуюсь из-за отца, Горди. Папа... он ведь упрямый. Он очень гордый.

Гордон мягко улыбнулся, и в полумраке его глаза показались Анне абсолютно надежными, как навигационные огни на ночной полосе. Он притянул её к себе, обнимая за плечи, и поцеловал в макушку, в самый пробор волос.

— Не бойся ничего, Энни. Твой отец — настоящий мужчина, и я поговорю с ним как мужчина с мужчиной. Я не прошу у него милостыни, я иду просить руку его дочери и готов доказать, что смогу сделать тебя счастливой. Иди спать, Энни. Скоро все изменится.

Она кивнула, в последний раз прижавшись лицом к жесткой коже его летной куртки, и взбежала по ступенькам. Всю ночь в её окне горел свет — Анна пыталась читать главу про аэродинамические трубы, но строчки плыли, а за стеной, в гостиной, раздавались тяжелые,

размеренные шаги отца. Кен тоже не спал. Он настраивал винты снятого карбюратора и сухой, щелкающий звук металла в тишине дома напоминал Анне о том, что эта их «последняя осень» навсегда уступит место чему-то новому и неизведанному.

* * *

Глава 16

В просторном, облицованном светлым мрамором фойе Университета Буффало стоял сплошной, оглушительный гул. Под высокими сводами гулко разносилось эхо сотен голосов: мимо снующих студентов в модных твидовых пиджаках неторопливо шествовали чопорные профессора в костюмах, шелестели конспекты, хлопали тяжелые дубовые двери аудиторий. Этот огромный, бурлящий мир науки дышал столичной уверенностью.

В аудитории проходил последний этап перед зачислением абитуриента — интервью. С поступающими на машиностроительный факультет беседовали декан факультета и суровый инженер с завода Curtiss-Wright, который преподавал здесь по вечерам.

Анна заметно волновалась, так как подготовиться к личному собеседованию было абсолютно невозможно. Вопросы могли быть о чем угодно. Декан курил прямо в аудитории и сидел, окутанный клубами дыма. Он листал ее школьный аттестат и с удивлением отмечал для себя максимальные баллы по всем точным наукам.

Декан медленно выпустил струю сизого дыма, которая лениво поплыла к высокому потолку аудитории, и наконец закрыл аттестат. Тяжелая папка глухо хлопнула по столу.

— Что ж, мисс Филлипс, — произнес он, слегка прищурившись сквозь очки в роговой оправе. — Ваши школьные оценки безупречны. Но сухие цифры в таблице не делают человека инженером. Наш факультет — это не место для возвышенных мечтаний. Здесь строят Америку из стали и бетона.

Сидящий рядом инженер из Curtiss-Wright, плотный мужчина с мозолистыми пальцами и эмблемой компании на лацкане пиджака, нетерпеливо побарабанил карандашом по столу. Его взгляд, привыкший искать скрытые дефекты в металле, сканировал девушку с головы до ног с явным скептицизмом.

— Давайте проверим, как вы понимаете суть вещей, мисс Филлипс, — вступил в разговор инженер, решив взять инициативу в свои руки. — Начнем с классической механики. Представьте, что у нас есть два абсолютно одинаковых по размеру и весу цилиндра. Один из них полый внутри, но сделан из тяжелого свинца, а второй — сплошной, но из легкого алюминия. Внешне они неотличимы, покрыты слоем одинаковой краски. Если мы одновременно отпустим их с вершины наклонной плоскости, какой из них скатится первым и почему?

Анна замерла. В аудитории стало так тихо, что было слышно, как за окном шуршат шины редких автомобилей, проезжающих по университетскому кампусу. Вопрос не требовал формул, он требовал понимания природы движения. Она закрыла глаза на секунду, мысленно представляя, как катятся эти два цилиндра.

— Сплошной алюминиевый цилиндр скатится быстрее, сэр, — ответила Анна, открыв глаза. Ее голос сначала дрогнул, но тут же обрел твердость.

Декан приподнял бровь: — Вот как? И чем вы это обоснуете? Масса-то у них одинаковая.

— Масса одинакова, но распределена она по-разному, — уверенно произнесла она, подавшись чуть вперед. — У полого свинцового цилиндра вся масса сосредоточена на самом краю, у стенок. Из-за этого его момент инерции гораздо выше. Ему требуется больше энергии от силы тяжести просто на то, чтобы раскрутить самого себя, а не на движение вперед. Сплошной алюминиевый цилиндр тратит меньше энергии на вращение, поэтому его линейное ускорение будет выше.

Инженер из Curtiss-Wright перестал барабанить карандашом. Он переглянулся с деканом, и в его глазах впервые промелькнула искра профессионального интереса.

— Неплохо, — буркнул производственник, наклоняясь над столом и буравя Анну взглядом. — Тогда ответьте мне на такой вопрос, раз уж вы так лихо управляетесь с инерцией. Представьте обычную муху, которая летает внутри наглухо закрытой стеклянной банки. Банка

стоит на точных аптекарских весах. Изменится ли вес банки, когда муха устанет, опустится на дно и просто сядет на стеклянную поверхность?

Вопрос казался уловкой, психологической ловушкой, призванной запутать абитуриента между живой и неживой массой. Анна глубоко вздохнула. Не мешкая ни секунды, она ответила:

— Вес системы не изменится, сэр. Когда муха летит, она держится в воздухе за счет того, что ее крылья непрерывно толкают поток воздуха вниз. Этот импульс воздуха бьет по дну банки с силой, в точности равной весу самой мухи. Весы будут показывать одно и то же значение — и когда она летит, и когда она сидит. Единственное, стрелка весов может едва заметно колебаться из-за взмахов крыльев, но среднее значение останется прежним.

Декан медленно откинулся на спинку стула, забыв про дымящуюся сигарету. Мужчина из Curtiss-Wright криво усмехнулся — этот ответ его явно раззадорил. Он вытащил из кармана тяжелые карманные часы на цепочке, повертел их в руках и задал третий, финальный вопрос из области термодинамики:

— Последнее, мисс Филлипс. Представьте, что вы находитесь в абсолютно герметичной, идеально теплоизолированной комнате. В углу стоит обычный бытовой холодильник, включенный в розетку. Вы открываете его дверцу настежь и оставляете так на весь день, надеясь охладить комнату. Что произойдет с температурой в помещении к вечеру?

Анна улыбнулась. Этот вопрос напомнил ей о душных летних вечерах в ее собственной комнате, где она часами просиживала над чертежами.

— Комната станет жарче, сэр, — спокойно ответила она. — Холодильник не производит холод из ниоткуда, он лишь переносит тепло из своей внутренней камеры наружу, сбрасывая его через радиаторную решетку на задней стенке. Но поскольку его компрессор работает от электричества, он сам потребляет энергию и выделяет тепло за счет трения деталей и сопротивления обмоток. В замкнутой системе комната превратится в термос, который постепенно нагревается от работы электродвигателя.

В аудитории повисла тишина, но на этот раз она не была гнетущей. Это была тишина капитуляции перед чистым интеллектом.

Декан посмотрел на инженера, тот лишь молча кивнул. Профессор затушил сигарету в стеклянной пепельнице, взял перьевую ручку и размашисто вывел на личном деле Анны жирную резолюцию: «Зачислить».

— Поздравляю, мисс Филлипс, — произнес декан, впервые за всё время тепло улыбнувшись. — Вы приняты. С понедельника вы принадлежите Университету Буффало. Постарайтесь не заставить нас пожалеть об этом решении.

* * *

Глава 17

В вестибюле Университета Анна изо всех сил прижимала к уху холодную черную трубку настенного телефона-автомата. Её пальцы, на которых уже почти не осталось следов вьевающегося мазута, дрожали, а лицо горело от огромного возбуждения.

— Пап! Меня приняли! — почти кричала она в трубку, пытаясь перекрыть студенческий шум. Из её глаз брызнули слезы, но это были слезы абсолютного, счастья. — Да! Я прошла этот кошмарный письменный тест и личное собеседование! Пап, ты бы видел их лица! Они сначала просто не верили, что я сама, в глуши, подготовилась по этим учебникам. Думали, я списывала. Час гоняли меня по термодинамике и законам Бернулли! Но в конце... декан лично пожал мне руку и очень хвалил! Сказал, что у меня редкие мозги!

На другом конце провода, за сто миль от Буффало, в темном коридоре старого деревянного дома стоял Кен. Из маленьких черных отверстий мембраны доносился далекий, звенящий от радости голос его Энни. Механик слушал, и его суровое лицо медленно оттаивало.

— Спасибо, пап! — всхлипнула Анна, вытирая щеку ладонью. — Я знаю, чего тебе это стоило... Я тоже... Я тоже тебя очень люблю! Всё, мне пора бежать на оформление. Пока!

В трубке стало тихо. Кен медленно опустил руку, удерживая тяжелый бакелитовый корпус. Вокруг него мгновенно сомкнулась глухая, давящая тишина пустого дома, нарушаемая лишь далеким стрекотом цикад со двора. Кен аккуратно повесил трубку на рычаг и задумчиво, тяжело кивнул собственным мыслям. Дело было сделано. Его птица выросла и улетала из гнезда.

Он повернулся и на чистом автомате сделал два шага по коридору. Его взгляд упал на деревянную полку, где среди старых квитанций лежала потрепанная, засаленная брошюра — официальное руководство по ремонту тракторных двигателей Caterpillar. Кен взял её своими огромными пальцами, бережно перелистнул несколько пожелтевших страниц с чертежами поршней, которые они еще в прошлый четверг разбирали вместе с Анной. Смысла в этих буквах для него сейчас не было. Он аккуратно положил руководство обратно на полку, точно на то же место.

Механик тяжело прислонился спиной к крашеной стене коридора. На его колючем, обветренном лице появилась грустная улыбка. Кен стоял в полной тишине своего опустевшего жилища. В его груди сейчас ворочалась тоска. Но сильнее этой тоски была неистовая отцовская гордость. Его девочка справилась. Она утерла нос этим столичным умникам.

Кен Филлипс остался совсем один посреди тридцать седьмого года. Но он знал, что сделал всё правильно, заняв двести пятьдесят долларов на полгода у Сэмми-счастливчика, мелкого мафиози, который строил из себя главу криминального клана. Сэмми даже не стал ничего спрашивать и требовать расписки. Слова Кена Филлипса было более чем достаточно, и Сэмми просто вытащил деньги и вложил их в ладонь Кена.

— Держи, механик, — произнес Сэмми, перекладывая в угол рта дешевую сигару, — до 1 марта под 25%.

А сейчас Кен держал в руке тяжелую телефонную трубку и смотрел прямо перед собой

Анна с глухим, металлическим грохотом опустила тяжелую трубку на рычаг автомата. На секунду она зажмурилась, впитывая уходящее эхо отцовского голоса за сто миль отсюда, а затем резко, победно вскинула кулак вверх. Всё её тело звенело от переполнявшего триумфа.

В этот самый момент массивная дубовая дверь с латунной табличкой «Декан физического факультета» со скрипом распахнулась. На пороге появился декан — подтянутый шестидесятилетний мужчина в тонких очках и строгом костюме-тройке. Он на секунду замер, заметив бурную радость девушки, и тут же сделал ей короткий, повелительный жест, привлекая

внимание. Мужчина направился к Анне энергичным, быстрым шагом человека, который привык дорожить каждой минутой своего времени.

Анна мгновенно опустила руку, и победная улыбка сошла с её лица. В груди снова похолодело — тогда провинциалу всегда казалось, что система может выплюнуть его обратно в любой момент. Она с плохо скрываемой тревогой уставилась на приближающегося руководителя факультета.

— Да, сэр? — её голос слегка дрогнул. — Что-то не так с моими документами? Или с тестом?

— Как раз наоборот, мисс Филлипс, — декан остановился прямо перед ней, и в его строгом взгляде промелькнула искра глубокого профессионального любопытства. — Хорошо, что я вас застал. Буквально пять минут назад в приемную ректора звонили из главного офиса «Bell Aircraft». Они официально заявили, что готовы полностью взять на себя оплату всего вашего обучения в нашем университете.

Анна застыла, так и оставшись стоять с приоткрытым ртом. Шумное университетское фойе с его сотнями голосов вдруг снова куда-то уплыло, оставив лишь этот невероятный, сухой голос пожилого профессора.

— С одним условием, разумеется, — продолжал декан, поправляя очки на переносице. — Вы обязуетесь подписать с ними эксклюзивное соглашение о трудоустройстве пять лет обязательной отработки по инженерному направлению сразу после выпуска. Ларри Белл лично изучил ваши эскизы и технологические решения по масляным насосам для сухого картера авиационных моторов. Их на сегодняшнем утреннем совещании в КБ показал руководству их новый пилот-испытатель. Лейтенант Олдридж, кажется. Весь технический отдел «Белла» под огромным впечатлением, мисс Филлипс. Они не часто предлагают такие гранты первокурсникам, уж поверьте моему опыту. Так что поздравляю.

— Спасибо, сэр... — Анна выдохнула это почти шепотом, чувствуя, как земля уходит из-под ног от осознания того, что Гордон сделал для неё. — Я... я просто не ожидала. Мы с отцом как раз... мы уже собрали триста долларов на первый курс. Отец обещал перевести...

— Оставьте эти деньги отцу, мисс Филлипс, — тепло улыбаясь, мягко перебил её декан, и в его глазах, наконец, растаяла академическая чопорность. Он весело положил руку ей на плечо. — Поверьте, они ему еще понадобятся. Жизнь сейчас дорожает. Еще раз поздравляю. И добро пожаловать в университет Буффало. Вы заслужили это место.

Декан крепко, по-мужски пожал её узкую ладонь, развернулся и быстро зашагал по длинному, залитому солнцем коридору в сторону кафедры. Анна еще долго провожала его ошеломленным, потерянным взглядом. В её кармане лежала заветная студенческая карточка, а перед глазами стоял Гордон — любимый дерзкий лейтенант, который не просто пообещал, а сдержал свое слово. И Кен, её отец, которому больше не придется пахать по ночам ради её мечты. Будущее, казавшееся вчера туманным и пугающим, теперь лежало перед ней как безупречно выверенная чертежная линия.

Она еще раз позвонила отцу, и через час Кен вновь встретился с Сэмми около старых доков. Пронизывающий ветер с озера трепал полу его старой куртки. Сэмми-счастливчик медленно, палец за пальцем, пересчитал возвращенную пачку банкнот. Его глаза превратились в узкие щели, а сигара переместилась в другой угол рта. Мафиози явно был недоволен тем, что крупная рыба уплыла с крючка так быстро, не успев принести прибыль. — Быстро ты, механик, — процедил Сэмми, пряча деньги в карман дорогого пальто. — Думал поиграть в благотворительность за мой счет? Скажи спасибо, что я сегодня добрый и не беру плату за воздух. Но если эти баксы понадобятся тебе снова — тариф будет вдвое выше. Свободен.

Кен ничего не ответил. Он лишь молча развернулся и пошел прочь от доков. На его обветренном лице впервые за этот долгий день появилась настоящая улыбка. Сэмми мог злиться сколько угодно. Главное — его девочка пробилась сама.

* * *

Глава 18

А все это стало возможным только из-за того, что случилось утром, в этот же день, в 9.00 на совещании в Bell Aircraft.

Ларри Белл стоял у высокого окна, заложив руки за спину. Его щегольский серый костюм-тройка казался броней. Он не смотрел на людей в комнате; его взгляд был прикован к взлетной полосе, где механики катили новенький фюзеляж. Чуть поодаль, опершись о край массивного дубового стола, сидел Роберт Вудс — главный конструктор, чье лицо сейчас выражало крайнюю степень хмурого недоумения.

Между ними, прямо посреди стола, поверх вороха сигаретного пепла и полупустых чашек, лежали раскатанные ватманы.

— Ты с ума сошел, лейтенант, — негромко, но отчетливо произнес Вудс, не отрывая взгляда от туши. — Ты летчик-испытатель. Твое дело — выжимать из наших машин дьявольскую скорость и говорить, почему у них отваливаются хвосты. Откуда у тебя это?

Гордон Олдридж стоял у стола, расстегнув кожаную летную куртку. На его щеке еще не остыл след от ремня кислородной маски, а в глазах горело то особенное, почти лихорадочное упрямство, которое Белл ценил в пилотах больше всего.

— Это не мое, мистер Вудс, — ответил Гордон, и его голос прозвучал удивительно спокойно для человека, который решился на такой отчаянный жест. — Это чертежи одной моей... моей невесты, сэр

Ларри Белл повернулся.

— Невесты? Гордон, я тебя поздравляю, но у нас есть чего обсуждать. Давай поговорим про невесту позже, о кей?

— Моей невесты, мистер Белл, — отчеканил Гордон. — И она чертов гений. Посмотрите на секцию масляных насосов. Просто посмотрите туда.

Вудс сердито зашуршал бумагой. Он извлек из кармана сильную лупу и приник к нижнему правому углу ватмана. В кабинете повисла тяжелая, осязаемая тишина. Было слышно, как на аэродроме с надрывным воем прогревают двигатели.

Минуты текли, как густое авиационное масло. Вудс дышал тяжело, его карандаш то и дело зависал над синей линией чертежа. — Линии грязноваты, — наконец буркнул Боб, хотя его пальцы слегка подрагивали. — Кое-где в расчетах допусков на тепловое расширение — каша. Типичная любительская небрежность... Но идея... Черт меня дери, Ларри, посмотри на этот узел.

Ларри Белл медленно повернулся. Его лицо оставалось непроницаемой маской прагматика, человека, который пересчитывал каждую заклепку в доллары, а каждый доллар — в секунды превосходства в воздухе. Он подошел к столу, опустил ладони на чертеж, словно забирая его в собственность, и впился глазами в аккуратную, изящную тушь.

Он видел сотни чертежей. Большинство из них были правильными, скучными и мертвыми. В этих же, несмотря на поправки, дышала абсолютная, пугающая новизна. Перспектива автора читалась на сто процентов — это был почерк человека, который видит металл изнутри.

— Она определенно кое-что в этом понимает, — тихо сказал Белл, поднимая глаза на Олдриджа.

— Она сделала эти чертежи на основании тех, которые я ей притащил из нашего архива, Ларри. В архиве сказали, что конструкция давно не представляет секрета и разрешили забрать.

Ларри Белл выпрямился. Он вытащил из портсигара сигарету, щелкнул зажигалкой Ronson. Клубок ароматного дыма поплыл к потолку. В его голове в этот момент щелкали невидимые счеты. Прагматизм Белла никогда не был слепым накопительством; это был расчет на

перспективу. Талант — самый дефицитный сырьевой ресурс в Буффало, да и во всей Америке тридцатых.

— Боб, — позвал Белл. — Ты когда-нибудь видел, чтобы девчонка чертила механизмы, которых не существует в природе? — Нет, Ларри — ответил Вудс, не отрывая лупы от бумаги. — хоть это и не будет никогда нормально работать, но мысль очень свежая. Ей бы еще чертить научиться по- нормальному, я бы ее вообще к себе забрал.

Белл затаился, глядя на Гордона. — Вот мое слово, лейтенант. Передай своей девочке, что Bell Aircraft умеет ценить золото, даже если оно не особенно блестит. Завтра утром она идет в приемную комиссию Высших курсов Буффало. Я лично оплачу весь курс обучения — до последнего цента. Ватманы, учебники, лучшие инструменты для черчения, какие можно купить в штате Нью-Йорк.

Гордон облегченно вздохнул, но Белл поднял указательный палец, останавливая его радость. Взгляд директора стал холодным и твердым, как инструментальная сталь.

— Взамен, Гордон, — жестко произнес Ларри, — прямо сейчас мой юрист составит бумагу. Эксклюзивный пятилетний контракт с Фирмой. Все, что ее светлая голова изобретет за время учебы и в течение пяти лет после нее, принадлежит Bell Aircraft. Никаких патентов на сторону. Никаких разговоров с парнями из Дугласа или Локхида. Она работает на нас. За хорошую зарплату, но только на нас.

Гордон не мешкал ни секунды

— Она согласится, мистер Белл, — сказал Гордон. — Я знаю ее. Она хочет строить самолеты, а не просто смотреть на них с земли.

— Отлично, — Белл хлопнул ладонью по столу, припечатывая ватман. — Забирай свои бумаги и проваливай. И передай невесте, что теперь у нее начнется адская работа. В авиации нет места для сантиментов, даже если у тебя самые красивые технические решения в этой чертовой стране.

Когда дверь за летчиком закрылась, Роберт Вудс наконец отложил лупу и посмотрел на босса: — Пять лет, Ларри? Не слишком ли дешево ты ее купил? Через три года её имя будет греметь по всему Военному министерству.

Ларри Белл снова повернулся к окну, провожая взглядом Гордона, пересекающего летное поле. На губах директора играла едва заметная, хищная улыбка истинного дельца. — Именно поэтому, Боб, контракт подписан сегодня. В тридцать седьмом году за гениальность платят учебой. А вот в сороковом... в сороковом, Боб, мы будем продавать эту гениальность правительству по цене чистой платины.

* * *

Глава 19

За обеденным столом в доме Филлипсов пахло запеченным картофелем, жареным луком и тем особенным, чистым уютом, который Анна навела на кухне к приезду гостя. Но простая домашняя еда оставалась нетронутой. В комнате висело такое густое напряжение, что казалось, будто воздух можно резать ножом.

Гордон сидел неестественно прямо, словно на парадном смотре. Для этого визита он надел с иголки, отглаженную форму армейской авиации с сияющими пуговицами и тугими петлицами. Его ладони, лежащие на коленях, были сжаты в кулаки, а под воротничком рубашки быстро пульсировала жилка. Пилот был взволнован так, как не волновался ни в одном слепом полете.

— Сэр, вы знаете, что меня перевели в Буффало на должность лётчика-испытателя компании «Bell Aircraft», — Гордон заговорил твердо, хотя голос его слегка вибрировал от сдерживаемых чувств. Он нес полную, абсолютную ответственность за каждое свое слово перед этим суровым человеком. — Анна будет учиться в университете, фирма полностью оплачивает обучение. Дальше она будет работать инженером в отделе проектирования. Это невероятная удача для нас. И... я... мы с Анной любим друг друга. Я прошу у вас руки вашей дочери.

Повисла тяжелая, бесконечная пауза. Ходики на стене словно стали стучать в два раза громче. Кен и Гордон смотрели друг другу прямо в глаза — двое сильных мужчин, разделенные разницей в возрасте, но объединенные любовью к одной и той же девушке. Анна затаила дыхание, переводя испуганный взгляд с отца на жениха. Гордон твердо держал этот взгляд, не моргая и не отворачиваясь. В его глазах читалась готовность защищать их с Анной любовь до самого конца.

Кен медленно, словно через силу, перевел взгляд на притихшую дочь. В его груди ворочалась разрывающая сердце тоска. Птица выросла. Её перья набрали силу.

— Дочка, ты его любишь? — тихо спросил Кен, и его голос показался ему самому чужим. Он тяжело вздохнул и поднял руку. — Впрочем, можешь не отвечать. И так всё понятно. Я это понял ещё тогда, на аэродроме... когда ты из кабины выпрыгнула.

Он повернулся обратно к Гордону. Суровость на его лице смешалась с чистой, отцовской беззащитностью. — Только... Гордон, ей же всего семнадцать. Может, подождёте хотя бы год? Пускай первый курс окончит. Куда спешить?

— Пап, я не хочу ничего ждать, — Анна рванулась вперед, собственническим, защищающим жестом прижимаясь к плечу Гордона и переплетая свои пальцы с его ладонью. Она уже не была той угловатой девчонкой-подростком, перед отцом стояла юная, любящая женщина. — Я правда его очень люблю.

Кен молча встал из-за стола. Его шаги отозвались глухим скрипом половиц. Он подошел к дубовому буфету, приоткрыл дверцу и достал оттуда пыльную, заветную бутылку домашнего виски. Следом он выставил на полку два тяжелых стакана. Затем его рука на секунду замерла в воздухе. Мужчина немного замешкался, шумно выдохнул и достал третий — для дочери. У этого сильного, никогда не знавшего усталости механика сейчас едва заметно дрожали пальцы.

Он вернулся к столу и ровно, до самых краев, разлил прозрачный янтарный алкоголь. Каждому досталось поровну. Кен поднял свою порцию, глядя на молодых, но в какой-то момент его взгляд уплыл, скользнул мимо их лиц и замер на черно-белом портрете Кристины. На его губах появилась печальная, бледная улыбка.

— За вас, ребята, — глухо произнес Кен. — Будьте счастливы. И приезжайте почаще, буду рад... Я ведь помню, как сам когда-то пришёл к родителям Кристины. Весь такой отглаженный, галстук этот дурацкий купил, шею резало. А её папаша мне с порога, прямо в прихожей: «Узнаю, что обижаешь мою девочку — придушу на месте, понял?». Ну, какое там... Я с

неё пылинки сдувал, дышать на нее боялся. Через год вон Анна родилась. А ещё через два... крупнозная пневмония. И всё. За три дня сгорела. За что только мне это всё — до сих пор не пойму. Если бы не дочка... подход бы от тоски, это точно.

Кен замолкает на секунду, чувствуя, как горло перехватывает опасный спазм. Но он был слишком гордым, чтобы проявить слабость. Он зажмурился и быстро, по-рабочему взял себя в руки, тряхнув головой.

— Ладно! Сегодня день хороший, нечего тут разводить сырость. Звоните, если что. Пишите. Остальное приложится. У меня ведь тоже интуиция имеется: я и моторы на слух, и людей насквозь вижу с первого взгляда. Так что, лейтенант Олдридж... забирай мою Анну. И с Богом.

Кен залпом, не морщась, выпил виски до дна.

В ту же секунду Анна сорвалась со своего места. Стул с грохотом отлетел назад. Она подбежала к отцу, обхватила его за шею своими тонкими руками и горько, безудержно, но совершенно счастливо заплакала, уткнувшись лицом в его широкое, такое родное плечо. Кен крепко прижал её к себе, закрыв глаза.

Гордон медленно поднялся со своего стула. Он не стал пить сразу. Офицер выпрямился, поднял свой стакан на уровень груди и молча, с глубочайшим мужским уважением отсалютовал Кену, принимая этот священный груз ответственности на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Утро отъезда выдалось сырым и серым. Низкие облака волочились по кронам вязов, а с крыши отцовской мастерской уныло и мерно капала вода. Гордон уже уложил чемоданы в багажник своего «Форда» и деликатно ждал на дороге, оставив Анну наедине с отцом.

Анна стояла посреди своей пустой комнаты. Кульман был разобран и упакован, книги увязаны стопками, и без них комната казалась сиротливой и чужой. Стены, хранившие следы её детских рисунков и чертежей, словно сжались. Она провела ладонью по старому деревянному подоконнику, где когда-то раскладывала свои книги. Детство уходило. Оно не растворялось постепенно, а отламывалось прямо сейчас — тяжело, с треском, как сухая ветка под сапогом. В горле стоял плотный, болезненный ком, мешавший дышать.

На крыльце послышались шаги — легкие, быстрые, совсем не похожие на тяжелую поступь отца. Дверь скрипнула, и в комнату вошла Мэгги. На ней было простое, но идеально скроенное шерстяное пальто, а от волос пахло все той же лавандой и сухим теплом швейной мастерской. Она не стала говорить громких слов. Мэгги просто подошла ближе, внимательно посмотрела на Анну и крепко, по-матерински прижала её к себе.

— Ну всё, Энни, всё, — тихо прошептала Мэгги, поглаживая девушку по спине своими изящными пальцами. — Слезы оставь для плохих дней, а сегодня — день твоего полета. Ты выучишь всё, что нужно, слышишь? И не забывай то, о чем мы говорили в ателье. В большом городе мужчины еще хитрее, держи ухо востро. Но твой лейтенант... он хороший парень. Я вижу.

— Спасибо вам, тетя Мэгги... за всё, — выдавила Анна, утыкаясь носом в её плечо. — Приглядывайте за папой. Он ведь совсем... совсем один останется.

— Пригляжу, глупая. Куда я денусь, — Мэгги попыталась улыбнуться, но в её глазах, обычно таких лукавых и острых, промелькнула глубокая грусть.

Они вышли в прихожую. Кен стоял у дверей, держа в руках старый кожаный саквояж дочери. На нем была его привычная майка и рабочий комбинезон, пахнувший солидолом и бензином, словно он специально не стал переодеваться в чистое, чтобы удержать привычный ход вещей. Его лицо казалось спокойным, но крупные, мозолистые руки, перебиравшие ручку саквояжа, выдавали его с головой.

Кен протянул саквояж Мэгги, которая молча перехватила его, давая отцу и дочери секунду на последнее прощание. Он шагнул к Анне, обнял её — бережно, словно боялся сломать её новые, взрослые крылья, — и поцеловал в лоб.

— Ну, с Богом, Энни, — глухо сказал Кен. — если что...., — он не договорил и легонько подтолкнул ее за плечо.

Анна кивнула, не в силах разжать губы. Ей казалось, что если она скажет хоть слово, то просто разрыдается и никуда не поедет. Она резко повернулась, подхватила саквояж и шагнула за порог, в прохладную сырость октябрьского утра.

Мэгги и Кен остались стоять на крыльце бок о бок. Мэгги мягко положила свою ладонь на его широкое плечо. Кен не отстранился. Он на секунду накрыл её пальцы своей тяжелой рукой — жест чистой, безмерной благодарности за то, что в этот самый страшный для него час она была рядом, за то, что помогла вырастить Анну и не дала ему окончательно одичать в своей мастерской. Он был благодарен ей всем сердцем, но его душа, все еще скованная многолетней тоской по ушедшей Кристине, пока не могла дать большего. Мэгги это понимала. Она просто стояла рядом, готовая ждать столько, сколько потребуется, деля с ним эту горькую новизну опустевшего дома.

Анна шла по размокшей дорожке к воротам, где у работающего «Форда» ждал Гордон. Земля под ногами казалась зыбкой. Гордон шагнул ей навстречу, перехватил тяжелый багаж и открыл перед ней дверцу автомобиля.

Анна села на переднее сиденье, чувствуя, как мелко дрожат колени. Гордон мягко сжал её ладонь, давая понять, что он рядом и защитит её от любого шторма. Машина тронулась, шины шуршали по мокрому гравию взлетной полосы аэроклуба, уводя их прочь от покосившегося навеса и старого ангара.

Анна смотрела строго перед собой, в ветровое стекло, на размытую дождем дорогу, ведущую к Буффало. Она изо всех сил сжимала кулаки, вонзая ногти в ладони, и заставляла себя не оборачиваться. Она знала: если она обернется и увидит одинокую фигуру отца на крыльце рядом с Мэгги, её решимость рухнет. Прошное оставалось позади, растворяясь в сером осеннем тумане, а впереди, за ревом мотора, её ждало новое, неизведанное небо.

* * *

Глава 20

В Буффало Кен чувствовал себя чужим. Город оглушал его шумом трамваев, запахом гари от металлургических заводов Bethlehem Steel и бесконечными толпами людей на Мейн-стрит. Кен шел, засунув руки в карманы старой куртки, и его пальцы то и дело натыкались на аккуратно сложенную зеленую бумажку — двадцатидолларовую купюру с портретом Джексона. Он копил её почти восемь месяцев, откладывая по четвертаку с каждого починенного плуга.

Он подошел к огромной зеркальной витрине универмага. За стеклом стоял манекен в дьявольски красивом темно-синем костюме из бостонской шерсти. Рядом на картонной табличке красовалась надпись: «Для особых случаев. \$22.50. Жилет в комплекте».

Кен поправил кепку, глубоко вздохнул, толкнул тяжелую стеклянную дверь и вошел. Внутри пахло дорогой кожей, надушенными женщинами и новой тканью. Продавец — франтоватый молодой человек с напыженными усиками — окинул Кена быстрым взглядом, задержавшись на его грубых, въевшихся в кожу мазутных пальцах и тяжелых рабочих ботинках.

— Чем могу помочь, сэр? — в голосе парня не было грубости, но сквозило то вежливое высокомерие, от которого у Кена внутри всегда закипала злость. — Мне нужен костюм. На свадьбу дочери, — отрывисто сказал Кен, стараясь говорить твердо. — Вот этот, с витрины. Синий. — Какой у вас размер, сэр? Сорок четвертый лонг? — продавец снял с вешалки пиджак. — Примерьте. Но должен предупредить, подгонка по фигуре у нашего портного обойдется еще в два доллара. И налог штата.

Кен просунул свои огромные плечи в жесткие рукава. Пиджак сел неплохо, но когда Кен попытался свести руки перед собой — ткань на спине зловеще треснула по шву. Кен замер. Он понял, что если он сейчас сделает резкое движение, этот пиджак просто лопнет. Его рабочие, раскоченные тяжелым трудом плечи, не помещались в лекала для городских клерков.

— О, — протянул продавец, деликатно забирая пиджак. — Боюсь, вам нужен другой крой. Из английской шерсти. Но они начинаются от тридцати пяти долларов...

Кен не стал спорить. Он не умел торговаться в таких местах. Он просто молча кивнул, вышел на улицу, чувствуя, как уши горят от унижения, и поехал обратно домой. Двадцатка так и осталась лежать в кармане. Ему было не жалко денег — ему было невыносимо стыдно, что на свадьбе своей единственной девочки он будет выглядеть как нищий деревенщина.

Вечером того же дня Кен стучал в дверь Мэгги Хиггинс. В руках он держал завернутый в газету старый серый костюм, в котором он венчался со своей покойной женой бог знает сколько лет назад.

Мэгги улыбнулась, пропустила Кена в дом и пошла ставить кофейник. В ее доме-ателье пахло лавандой, сухими травами, мятными каплями и паром от утюга. Она не стала задавать вопросы, а просто поставила перед ним чашку с дымящимся ароматным кофе, села напротив и с потрясающе красивой улыбкой начала его разглядывать. Мэгги знала этого человека на все сто — сейчас не нужно ничего говорить.

— Вот, — Кен положил сверток на стол и отрывисто, глядя в пол, заговорил: — Анна выходит замуж. Через две недели. Мне... нужен приличный вид. В городе ничего не подобрал. Ткань там дрянь, узкая. Сможешь перешить этот? Подкладка совсем сгнила, и шерсть... свалась. Я заплачу. Вот. — Он вытащил свою двадцатку.

Мэгги Хиггинс аккуратно развернула газету. Старый костюм Кена был из превосходного додепресссионного твида — тяжелого, прочного, какой сейчас уже не делали. Она погладила ткань своей изящной ладонью, потом посмотрела на Кена — на его суровое, несчастное лицо, на то, как он прятал руки за спину. Она прекрасно помнила, как этот парень один, без чьей-либо помощи, хоронил жену и как носил маленькую Анну на руках в сильные метели.

— Убери деньги, Кен Филлипс, — строго сказала она, отодвигая купюру. — Твой доллар мне не нужен. У меня от твоего доллара иголки затупятся. — Я не беру займы, Мэгги, — напустился Кен. — А я и не даю займы, — отрезала она. — Сделаем так. Мой Рой всегда говорил, что у тебя лучшие точильные камни во всем округе Нью-Йорк. У меня три пары закройных ножниц «Singer» совсем затупились, ткань жуют, а не режут. Заберешь их, наточишь как следует — и мы в расчете. А костюм я тебе сделаю. Будешь как сенатор из Вашингтона.

Кен посмотрел на неё, сглотнул ком и молча кивнул. Для него это был идеальный выход — его не унизили благотворительностью, у него попросили его Мастерство в обмен на её.

На следующий день он вернул ножницы. Они были наточены так, что могли резать шелк на лету под собственным весом. А на свадьбе Анны Кен Филлипс стоял в своем старом, но пахнущем чистотой, идеально подогнанном в плечах твидовом костюме. И когда он вел её к алтарю, Анна крепко сжимала его сильный локоть и шептала: «Папа, ты у меня самый красивый».

* * *

Глава 21

Церковь Святого Павла в Буффало встретила их запахом старого камня, воска и сырости, принесенной с озера Эри. В октябре 1937 года этот город уже дышал скорой зимой — серое небо цеплялось за трубы заводов Curtiss-Wright, а ветер гнал по мостовым сухие кленовые листья. Но внутри храма время словно замедлилось. Огромные витражи пропускали лишь блеклый, отфильтрованный свинец осеннего дня, ложившийся на пустые дубовые скамьи длинными бледными полосами.

Анна чувствовала, как под тонкой подошвой туфель вибрирует тишина. Ей было семнадцать, и весь её привычный мир, пахнувший машинным маслом, бензином и отцовским табаком, остался там, за тяжелыми дубовыми дверями. На ней было простое белое платье, которое они с отцом купили в универмаге на Главной улице — без кружев и шлейфа, строгое, почти спартанское, но ткань приятно холодила кожу.

Подняв руку, она коснулась тяжелого узла волос на затылке. Пальцы, привычные к гаечным ключам и шероховатости крепежных гаек, сейчас казались ей чужими, слишком легкими и незащитными. В груди, прямо под ключицами, жило странное, птичье трепетание. Это не был страх перед Гордоном — о нет, Гордона она любила той чистой, абсолютной любовью, на которую способна только юность, еще не знающая разочарований. Это был трепет перед порогом. Шаг вперед — и она переступит черту, за которой кончается детство в отцовском гараже и начинается взрослая, пугающе огромная жизнь.

Кен держал её под локоть. Его пальцы слегка подрагивали, и Анна чувствовала это даже сквозь ткань рукава. Мэгги стояла немного в стороне, в этот важный день она была особенно элегантна в новом, светло-сером костюме, который она подобрала в тон пиджака Кена.

Отец гордо и немного неловко вел свою дочь в костюме от Мэгги Хиггинс и выглядел невероятно стильно.

От него пахло мылом «Лайфбой» и мятными каплями, которыми он безуспешно пытался заглушить запах дешевого виски — Кен выпил три глотка прямо из горлышка перед самым выходом, просто чтобы не сойти с ума от тишины в пустом доме.

Для Кена этот день был сродни крушению поезда, которое он был вынужден наблюдать в замедленной съемке, не имея сил нажать на тормоз. Он вырастил её один. Он помнил её крошечной девочкой с вечно чумазым носом, которая подавала ему отвертки и знала устройство карбюратора лучше, чем алфавит. И вот теперь он вел её по проходу к алтарю, чтобы отдать другому. В его душе мешались глухое отчаяние — дом теперь станет окончательно мертвым — и липкая, душная тревога. 1937 год катился к чертям, газеты кричали об Испании, бомбежках и Гитлере, мир сползал в бойню, а этот мальчишка в синей форме у алтаря был летчиком. Кен, прошедший прошлую войну в пехоте, слишком хорошо знал, что происходит с молодыми парнями, когда небо начинает гореть. Он отдавал свою единственную дочь человеку, чья профессия — ходить по лезвию бритвы.

Впереди, у ступеней алтаря, ждал Гордон.

Когда они подошли ближе, Анна подняла глаза и её трепет сменился острой, почти болезненной вспышкой нежности. Гордон стоял прямо, как на параде. Его синяя офицерская форма Воздушного корпуса была отутюжена до бритвенной остроты, золотые пуговицы ловили тусклый свет витражей, а на груди тускло поблескивали серебряные крылья пилота. Ему было всего двадцать четыре, но сейчас, в полумраке церкви, его лицо казалось старше, строже. В развороте его плеч, в том, как крепко он сжимал фуражку в левой руке, чувствовалась огромная, почти осязаемая волна ответственности.

Гордон смотрел только на неё. В его глазах, обычно веселых и дерзких, сейчас светило глубокое, притихшее счастье. Для него эта маленькая девушка в простом платье была не про-

сто женой — она была его якорем. В мире, где его ждали новые скоростные истребители, опасные испытания и предчувствие глобальной бури, Анна была единственной абсолютной истиной. Он чувствовал себя мужчиной, способным защитить её от всего на свете, и эта гордость переполняла его.

Священник, пожилой преподобный с усталыми глазами и белыми, как лунь, волосами, негромко кашлянул. Его голос, гулкий и привычный к этим сводам, поплыл над пустыми скамьями: — Дорогие братья и сестры... хотя сегодня нас немного. Мы собрались здесь перед лицом Бога...

Кен аккуратно, словно передавал хрупкую стеклянную деталь, переложил ладонь Анны в широкую, теплую ладонь Гордона. Пальцы отца на секунду задержались, чуть сжали её запястье — это было безмолвное, разрывающее сердце прощание — и он отступил на шаг назад, в тень. Его плечи под старым пиджаком едва заметно опустились, словно с них сняли груз, но взамен оставили пустоту. Мэгги взяла его под руку и Кен правой рукой схватил ее за пальцы и так стоял до самого конца церемонии.

Когда Гордон взял её за руку, Анна почувствовала, как по телу разливается спасительное тепло. Его ладонь была сухой, сильной, с жесткими мозолями от штурвала. Этот контраст — его мужская сила и её собственная, внезапно открывшаяся хрупкость — заставил её сердце забиться где-то у самого горла. Под ее кожей пульсировала юность, жадная до жизни, до открытий, до Буффало с его огромными заводами и университетом, до этой новой, пугающей любви. Она посмотрела на профиль Гордона, на его волевой подбородок, и внутри нее поднялась волна такого пронзительного, чувственного восторга, что ей на миг показалось, будто они уже летят — высоко над облаками, где нет земли, нет страхов её отца, а есть только скорость и чистый воздух.

— Гордон Олдридж, согласен ли ты взять Анну Филлипс в законные жены?... — мерно продолжал священник, и его слова падали в тишину, как тяжелые капли дождя.

— Да, согласен, — ответил Гордон. Его голос прозвучал на удивление твердо, эхом отразившись от каменных стен. Он смотрел Анне прямо в глаза, и в этом взгляде было обещание верности — той, что сильнее притяжения земли.

Священник повернулся к ней: — Анна Филлипс, согласна ли ты стать законной женой Гордона Олдриджа?...

Она сделала глубокий вдох. Воздух в церкви был холодным, но её щеки горели румянцем. В этот момент она видела перед собой не просто молодого лейтенанта, а свою судьбу. Вся её прошлая жизнь — чертежи, разбросанные на кухонном столе, запах бензина от отцовских рук, тихие вечера на веранде — всё это спрессовалось в одну точку. И в этой точке был Гордон.

— Да, — тихо, но отчетливо произнесла она.

Когда Гордон надевал ей на палец простое золотое кольцо, его пальцы чуть заметно дрогнули — единственный раз за всю церемонию. Это минутное проявление его человеческой, мальчишеской слабости растрогало Анну до слез. Она почувствовала, как металл коснулся кожи, очерчивая границы её новой жизни. На мгновение ей стало отчаянно, до боли жаль отца, стоявшего позади них, не зная куда деть руки, — олицетворение ее уходящего детства. Но затем Гордон сжал её руку, и это чувство вины растворилось в лавине юношеского предвкушения.

— Объявляю вас мужем и женой, — произнес священник, благословляя их легким взмахом руки. — Можете поцеловать невесту.

Гордон повернулся к ней, бережно взял её за лицо обеими руками. Его ладони пахли хорошим одеколоном и кожей форменной куртки, оставленной в притворе. Анна закрыла глаза, отдаваясь этому моменту. Поцелуй был долгим, теплым и удивительно трепетным для церкви — в нем было и мальчишеское нетерпение, и благоговение мужчины перед своей святыней. Для Анны мир вокруг окончательно перестал существовать: исчезли серые стены Буфф-

фало, тревожные заголовки газет, исчезла даже тень скорой войны. Были только его губы, стук её собственного сердца и бескрайнее, чистое небо впереди.

* * *

...А потом она удобно устроилась на его плече и смотрела, как он спит: как ровно дышит и как гулко, четко бьется его сердце. Анна думала о том, что зря они ждали столько времени, — это счастье могло случиться и раньше, к чему были все эти условности? Ее тело еще горело от его умелых ласк, и она была абсолютно счастлива в этом первом жадном открытии любви. Анна приникла к Гордону, положила руку ему на грудь и замерла: «Мой муж... как странно... мой любимый, только мой!»

Но в этот самый момент она нахмурила брови. В голову со свистом влетела чужая, непрощенная мысль: «А откуда он так вот все это умеет? Сколько девчонок лежали на этом самом плече? Двадцать? Или сто?»

Ей вдруг померещилось, что с другой стороны от Гордона, на его правом плече, устроилась сама Джинджер Роджерс. Они с Гордоном недавно смотрели мюзикл «Время свинга», где эта актриса свела с ума весь кинозал своими точеными ногами, высокой грудью и неправдоподобной осиной талией. Теперь Джинджер нагло подмигивала Анне и обвивала своими чертовыми ногами бедро Гордона. «Даже не думай!» — строго оборвала её Анна, и воображаемая соперница исчезла так же внезапно, как и появилась.

Нахлынувшая усталость от бури ночных эмоций всё-таки взяла свое, и Анна уснула. Ей снилось, что они с Гордоном бегут наперегонки по солнечной поляне, держась за руки, а потом вместе отталкиваются от земли и взмывают в небо. Они поднимались всё выше, солнце било прямо в глаза, а они смеялись и не могли остановиться. Мимо проносились легкие облака, и сердце выскакивало от невозможного, переполняющего счастья ее семнадцати лет.

* * *

Глава 22

Переезд в Буффало безжалостно стер из жизни Анны привычные, теплые запахи отцовской мастерской — ту густую, родную смесь канифоли, стружки и нагретого паяльника, которая согревала её детство. Город встретил её иной, строгой и холодной эстетикой университетских кварталов. Жизнь мгновенно завертелась в бешеном, изнурительном ритме Великих озер, где время больше не подчинялось естественной смене времен года. Отныне его ход измерялся исключительно толщиной исписанных конспектов, жесткими дедлайнами и бессонными ночами. На смену провинциальной тишине пришла сухая, плотная симфония новой индустриальной Америки: ритмичный щелчок логарифмических линеек, резкий скрип мела по доске и въедливый, профессиональный аромат чертежной туши.

Их маленькая с Гордоном квартира на рабочей окраине Буффало в эти предзимние месяцы должна была стать тихой гаванью. Но даже здесь, под защитой арендованных стен, Анну редко можно было застать праздною. За окном давно густела глухая, беспросветная октябрьская ночь, наваливаясь грузным плечом на оконные рамы, а она всё сидела у письменного стола, сгорбившись под косым, жестким конусом света от настольной лампы.

Вокруг неё выросли оборонительные баррикады из раскрытых конспектов и справочников. На самом краю стола сиротливо остывала забытая, давно пустая чашка с толстым темным ободком от крепкого кофе — ее единственного союзника в этой борьбе с усталостью. Анна штудировала массивный, пахнущий типографской краской учебник по теоретической механике. Её губы беззвучно и упрямо шевелились, раз за разом повторяя жуткие нагромождения формул. Она закрывала книгу, зажмуривалась, проверяя память, сбивалась на очередном коэффициенте, со злостью открывала страницу и шептала сухой текст заново. Наконец, когда одна из фундаментальных теорем упорно отказалась укладываться в переутомленную голову, девчонка в бессильной, яростной вспышке трижды стукнула себя коленкоровым переплетом по лбу. Она сердито, прерывисто задышала, смахнула непослушную прядь и снова обреченно уткнулась в мелкий шрифт.

Из полумрака узкого коридора бесшумно вышел Гордон. На нем были простые домашние брюки и легкая рубашка с засученными рукавами. Он выглядел спокойным и надежным — мужчина, который твердо стоит на земле, пока её мир трещит по швам от перегрузок. Гордон мягко подошел сзади. Его большие, хранившие тепло ладони опустились на её каменные, напряженные плечи, разминая затекшие мышцы. Наклонившись, он перехватил её измученный взгляд и крепко, уверенно поцеловал в губы.

Анна попыталась слабо, скорее для проформы, сопротивляться — уперлась ладонями в его грудь, пробормотала что-то вроде: «Гордон,пусти, не мешай, у меня завтра коллоквиум у старого профессора...» — но он лишь тихо, бархатисто рассмеялся. В этом смехе не было пренебрежения к её труду, только бесконечная нежность и сила. Одним плавным, неоспоримым движением он подхватил её на руки, легко оторвав от заваленного чертежами стола, и унес прочь от холодного электрического света в благословенную темноту спальни.

Там, в слабом шлейфе света, плавно планируя на ворсистый ковер, пролетел и бесшумно упал её легкий домашний халатик — словно подбитый в честном бою самолет, уступающий место ночи.

* * *

Глава 23

К декабрю за огромными стрельчатыми окнами университетской аудитории повалил густой, тяжелый снег, стремительно укутывая Буффало в глухой белый саван. В классе стояла звенящая, почти осязаемая тишина контрольной работы, нарушаемая лишь сухим, монотонным шуршанием графитовых грифелей. Анна, полностью отгородившись от окружающего мира, сидела за своим узким деревянным столом в третьем ряду. Её тонкие пальцы методично вращали маленькую металлическую точилку, из-под которой на чистый лист летела мелкая, ароматная кедровая стружка.

Наполовину исписанный ватман перед ней уже был покрыт ровными, каллиграфическими строчками дифференциальных уравнений второго порядка. Остро заточенный карандаш на секунду замер, а затем тремя уверенными движениями вывел на бумаге финальную, безупречную формулу гармонических колебаний: $d^2y/dt^2 + \omega^2y = 0$. В этот момент металл в её сознании навсегда перестал быть просто бездушным куском железа — он становился чистой, идеальной математикой, подчиняющейся законам вселенной.

Профессор механики, серьезный господин с седой шевелюрой и вечным запахом табака от твидового пиджака, медленно шел между рядами. Он заглядывал через плечи студентов, то и дело раздраженно вздыхая и качая головой при виде чужих зачеркнутых строк и сомнительных вычислений. Но когда он поравнялся со столом Анны, его шаги замерли.

Старик наклонился ниже, почти касаясь носом ее расчетного листа. Его близорукие глаза за стеклами очков в толстой оправе лихорадочно забегали по стройным рядам формул. Лицо профессора изменилось — суровая маска академического цензора сменилась выражением искреннего, детского восторга. Это было редкое для этих стен зрелище: решение сложнейшей краевой задачи было выполнено не просто правильно, а изящно, кратчайшим из возможных путей. Старик выпрямился, шумно перевел дыхание и, не удержавшись, весомо опустил ладонь на край её стола, беззвучно артикулируя одними губами: «Блестяще, мисс... Блестяще». Для него в этой аудитории на мгновение исчезли все условности — осталась только чистая наука.

Однако этот немой триумф не остался незамеченным. Как только профессор отошел к доске, по аудитории поползла едва уловимая, ядовитая волна студенческого скепсиса. Парни в модных шерстяных пуловерах, сидевшие на задних скамьях, обменялись быстрыми, тяжелыми взглядами. Сын местного сталепромышленного магната, чья логарифмическая линейка уже полчаса выдавала неверные значения, пренебрежительно хмыкнул и шепотом бросил своему соседу: — Опять эта девчонка Белла выскочила вперед. Интересно, сколько чертежей её папочка выкупил у инженеров с Curtiss, чтобы она блистала здесь перед стариком? Помяни мое слово, Грей, баба в лаборатории — это к несчастью для всего курса. На первой же практике у станка она испортит деталь и расплачется.

Они переглянулись с холодным, глухим высокомерием мужчин, которые искренне верили, что этот бурно развивающийся мир моторов, авиации и больших денег принадлежит исключительно им по праву рождения. Анна слышала этот шепот за спиной, но даже не повернула головы. Она лишь крепче сжала свой остро заточенный карандаш. За её спиной стоял прагматичный расчет Ларри Белла и пять лет жесткого контракта, а в её руках была математика, которая не умела лгать в угоду чужому самолюбию.

Октябрьское солнце, пробивавшееся сквозь огромные арочные окна аудитории Высшего колледжа, казалось бессильным перед густым, въедливым запахом мела и старого дуба. Здание Университета Буффало, построенное из тяжелого серого камня, неохотно впускало в себя новую эпоху, но эпоха всё равно просачивалась внутрь — вместе с шумом трамваев с Мейн-стрит и далеким, глухим гулом металлургических гигантов Bethlehem Steel.

Анна Олдридж стояла у гигантской черной доски, занимавшей всю стену от пола до потолка. Её светлые волосы, еще пахнувшие утренним ветром с озера Эри, были небрежно, наспех заколоты на затылке простой костяной шпилькой. Строгое шерстяное платье, купленное в городе, уже слегка потеряло свой парадный вид: правый рукав и манжеты по локоть побелели от едкой меловой пыли, а на подоле темнел след от случайно оброненной губки. Но Анна этого не замечала. Она находилась внутри своей собственной стихии, где не существовало условностей, косых взглядов и глухих провинциальных страхов.

Она чертила. Экспрессивно, размашисто жестикулируя испачканной в мелу рукой, Анна с шагом в две мили в минуту разносила в пух и прах устоявшуюся теорию статических нагрузок.

— Посмотрите сюда, профессор, — её голос, на удивление чистый и звонкий, эхом отражался от крутого амфитеатра полупустой аудитории. В нем не было девичьей робости; Анна говорила на сухом, жестком языке чистой прочности, где каждое техническое допущение весило тонну. — Если мы берем стандартную эпюру прогиба двутавровой балки и прикладываем к ней сложную динамическую нагрузку по оси игрек, лекала чертежа перестают работать. Металл не просто гнется — в центроплане возникает усталостное напряжение, которое разорвет лонжерон при первом же крутом пикировании!

От лихорадочного, яростного нажима кусок сухого мела с резким треском переломился в её пальцах, оставив на черной поверхности жирную белую черту. Звук был похож на выстрел. Анна даже не моргнула. Не прерывая своей стремительной, математически выверенной речи ни на долю секунды, она хладнокровно отбросила обломок в сторону, запустила руку в деревянный паз доски, выудила новый кусок и с глухим стуком припечатала его к доске, завершая чертеж финальной, жирной стрелкой вектора силы.

Молодой преподаватель, мистер Харрис, сидевший за массивным профессорским столом, медленно снял строгие очки в роговой оправе. До сегодняшнего дня он с глубоким, искренним скепсисом относился к самому присутствию женщин на инженерном факультете. Для него, как и для большинства академических чинов Буффало тридцатых годов, студентки были лишь будущими домохозяйками, чья высшая математика заканчивалась подсчетом центов в бакалейной лавке. Но сейчас мистер Харрис медленно, одобрительно покачивал головой. В его прищуренных глазах зажглось неохотное, но глубокое, почти благоговейное признание. Эта упрямая провинциалка, девчонка из гаража, шаг за шагом, формула за формулой, ломала вековые предрассудки Высшей школы, заставляя уважать свой чертов талант.

Вдоль задних рядов амфитеатра, где сидели рядом студенты-мужчины, пронеслось тяжелое, глухое шушуканье. Парни в модных твидовых пиджаках, которые еще две недели назад открыто посмеивались над её простеньким деревенским пальто и засаленным блокнотом, теперь угрюмо прятали глаза. Они судорожно утыкались в собственные тетради, где их домашние эпюры прогиба выглядели жалкими, корявыми каракулями по сравнению с её точной, летящей графикой.

Справа, на третьем ряду, Томас Бредли — сын крупного сталепромышленника из Детройта — с сухим треском захлопнул свой дорогой кожаный блокнот. Его холеное лицо потемнело от злости. Скепсис золотой молодежи прямо сейчас перерастал в глухую, удушливую обиду побежденных. Эти парни, приученные к мысли, что мир принадлежит им по праву рождения, с отчетливым страхом понимали: на их глазах рождается инженер новой эры. Инженер, с которым уже завтра придется считаться на равных на любом оборонном заводе Детройта, Кливленда или Буффало. И этот инженер не собирался уступать им ни одного дюйма у своего кульмана.

Анна опустила руку, тяжело дыша. Меловая пыль медленно оседала на лакированный пол, а в окне за её спиной, далеко над трубами заводов Curtiss-Wright, висело бескрайнее, холодное небо Буффало, которое она уже пообещала укротить.

Настоящий ад начался в огромном, похожем на фабричный цех зале для черчения. Здесь ровными геометрическими рядами стояли десятки громоздких деревянных кульманов, за которыми, не поднимая голов, часами трудились студенты старших курсов. На кульмане Анны был натянут огромный, белоснежный лист ватмана американского формата D. На нем уже третьи сутки рождалась сложнейшая графика шестеренчатого редуктора для нового приводного вала — её курсовая работа. Каждая линия здесь требовала ювелирной точности до десятой доли миллиметра. Анна, прикусив губу от напряжения, вела тонкий карандаш вдоль длинной масштабной линейки пантографа.

Вдруг деревянная планка предательски дрогнула и с глухим стуком соскользнула по глянце-вой бумаге вниз. Рука Анны дернулась. Острый грифель с хрустом сломался, и поперек иде-ального, выверенного трехдневного труда пролегла жирная, рваная черная полоса, намертво въевшаяся в структуру ватмана. Труд был уничтожен. Ошибку такой толщины нельзя было вычистить ни одной бритвой.

Внутри Анны, уставшей от хронического недосыпа и колоссального напряжения, что-то с треском оборвалось. На секунду в зале воцарилась тишина, а затем девчонка в дикой, некон-тролируемой ярости с размаха швырнула изувеченный карандаш в стену. Она резко вскочила со стула и трижды, со всей силы, с глухим грохотом ударила носком туфли по тяжелой станине деревянного кульмана.

— Черт бы тебя драл! — выдохнула она сквозь зубы.

Ближайшие студенты в твидовых пиджаках испуганно и удивленно обернулись, поправ-ляя очки. Никто из этих благополучных городских мальчиков никогда не видел, чтобы сокурс-ница вела себя как обозленный портовый механик. Анна, судорожно сглатывая воздух и не обращая внимания на чужие взгляды, обессиленно опустила-сь обратно на жесткий стул. Она закрыла лицо ладонями, чувствуя, как подступают злые, горячие слезы бессилия. Но плакать здесь было нельзя. Металл и тушь не прощали слез. Девчонка сделала глубокий вдох, убрала руки от лица, подняла с пола обломок карандаша и, решительно перевернув испорченный лист чистой стороной вверх, начала набрасывать осевую линию заново.

* * *

Глава 24

1938

В лекционных аудиториях Университета Буффало пахло тем особенным, сухим академическим покоем, который всегда поначалу раздражал Анну после живой, пахнувшей канифолью отцовской мастерской. Здесь всё казалось слишком стерильным, слишком зазубренным. Студенты из приличных семей, аккуратно разложив перед собой новенькие тетради в коленкорových переплетах, ждали привычного: диктовки формул, которые нужно было просто перенести на бумагу, не включая голову.

Анна, теперь уже носившая на пальце тонкое золотое кольцо и фамилию Олдридж, упрямо выбирала последнюю парту у самого окна. Ей казалось, что отсюда лучше видно небо, по которому она тосковала каждый божий день.

Всё изменилось в тот четверг, когда в аудиторию вошел Бернар Леви.

Ему было около пятидесяти. Худой, сутулый француз в круглых роговых очках, которые вечно сползали на кончик длинного носа, он нес под мышкой огромную кипу растрепанных немецких журналов. На нем был поношенный твидовый пиджак с протертыми локтями, а его седеющие волосы топорщились в разные стороны, словно он только что вышел из-под ураганного ветра аэродинамической трубы.

Леви не стал открывать конспект. Он подошел к доске, взял кусок мела и двумя стремительными, резкими движениями начертил изящный, вытянутый профиль крыла.

— Bonjour, — произнес он, и его сочный французский акцент мгновенно заставил притихнуть шелестящих бумагой студентов. — Кто мне ответит на самый глупый вопрос в мире? Почему летит самолёт?

С первой парты тут же поднялся Хьюз — образцовый столичный студент, чей пиджак всегда сидел идеально. Хьюз снисходительно улыбнулся, уверенный в своей правоте: — Разность давлений, профессор. Согласно закону Бернулли, верхний поток воздуха вынужден проходить более длинный путь по изогнутой поверхности крыла, поэтому его скорость выше. Соответственно, давление сверху падает, и возникает подъемная сила. Это проходят в первом семестре.

Бернар Леви медленно снял очки. В аудитории повисла странная, звенящая тишина. Профессор посмотрел на Хьюза так, словно тот только что сморозил величайшую глупость на глазах у всего научного сообщества.

— Mon Dieu, — Леви прижал ладонь к испачканному мелом лбу. — Юноша, у меня к вам встречный вопрос. Скажите, кто именно велел двум молекулам воздуха, разделившимся на передней кромке, встретиться у задней кромки одновременно? У них что, свидание? Заключен брачный контракт? Они сверяют часы в пути?

По аудитории прошел робкий смешок. Хьюз густо покраснел и растерянно сел на место.

— Воздух сверху действительно движется быстрее, — Леви яростно застучал мелом по доске, — но он прибывает к задней кромке задолго до того, как нижний поток успеет хотя бы доползти до середины! Забудьте эту сказку для школьников. Ещё варианты?

Анна подалась вперед, чувствуя, как внутри неё просыпается то самое упрямое, рабочее нетерпение, которое заставляло её спорить с клиентами в отцовском дворе. Она подняла руку и, не дожидаясь разрешения, заговорила прямо с задней парты: — Крыло задаёт циркуляцию, профессор. Оно заставляет воздух закручиваться вокруг своего профиля. Из-за этого поток отклоняется вниз, а согласно третьему закону Ньютона, воздух толкает крыло вверх. Поток должен сходить с задней кромки плавно, без завихрений. Разность давлений — это просто следствие, а не первопричина.

Леви замер с поднятым мелом. Бумажный шуршание в классе прекратилось окончательно. Пятьдесят пар глаз обернулись на Анну, которая стояла у окна, бледная, с прикушенной губой.

— *Comment vous appelez-vous?* — тихо, почти интимно спросил профессор, впиваясь в неё взглядом сквозь свои круглые линзы.

— Анна. Анна Олдридж.

— Вы читали Прандтля, мисс Олдридж? — Леви наклонил голову набок.

— Одну главу, — честно призналась Анна. — Больше не смогла. Там половина слов по-немецки, приходится продирать со словарем.

— Отлично! — Леви вдруг просиял, и его лицо разгладилось в широкой, мальчишеской улыбке. — Это просто прекрасно, *ma petite!* Вы ещё не успели выучить тонны неправильных ответов, которыми забиты американские учебники. Вы видите физику процесса, а не зазубренные догмы. А ну-ка, пересаживайтесь ближе. На первую парту. Живо! Сегодня мы будем учиться думать, а не повторять чужие глупости.

Хьюз, сидевший на первом ряду, молча, с оскорбленным видом сдвинул свой кожаный портфель на самый край соседнего стула, освобождая место. Анна подхватила свою сумку и уверенно прошла через весь зал. В этот момент она поняла, что в стенах этого университета у неё наконец-то появился настоящий союзник. Леви повернулся к доске и быстрым, размашистым движением добавил к нарисованному профилю крыла закручивающийся вихрь прямо за задней кромкой. Анна опустила на стул и, не теряя ни секунды, начала быстро переносить этот безупречный рисунок в свою тетрадь.

* * *

Глава 25

Спустя месяц их занятия окончательно переместились из душной меловой аудитории в подвальное крыло лаборатории аэродинамики. Здесь, среди огромных гудящих вентиляторов и металлических труб, Анна чувствовала себя куда естественнее. Это был мир, где воздух можно было увидеть и измерить.

В чреве массивной аэродинамической трубы была закреплена небольшая дюралевая модель перспективного крыла. Из специальных сопел тонкими, идеально ровными струйками шел белый, густой дым, послушно обтекая серебристый металл. Леви и Анна стояли рядом, согнувшись над приборной панелью, и методично записывали показания стеклянных U-образных манометров, в которых под давлением колыхалась подкрашенная вода.

Анна аккуратно, на долю миллиметра повернула регулировочную отвертку, меняя угол атаки модели. Леви, не отрывая взгляда от стеклянного окошка трубы, следил за поведением дымных струй.

— Пять градусов, — тихо комментировал профессор, и его дыхание оседало паром на стекле. — Хорошо. Теперь восемь... Анна, смотрите на дым, всегда смотрите на живой дым, а не на сухие цифры в графиках. Модель не умеет лгать.

— На двенадцати градусах поток начинает дрожать, — Анна прищурилась, всматриваясь в серебристую кромку. — Видите? Сверху, ближе к хвосту, струя начинает изгибаться. Она срывается.

— Voilà! — Леви азартно щелкнул пальцами. — Машина всегда начинает говорить с инженером гораздо раньше, чем график будет построен на бумаге. Нужно просто уметь слушать этот шепот... У вас хорошие пальцы, Анна. Точные. Мой отец когда-то крутил мельчайшие латунные детали часов с точно такой же ювелирной аккуратностью.

Профессор залез во внутренний карман своего потрепанного пиджака и бережно выудил оттуда маленькую, потертую по краям черно-белую фотографию. На ней у раскрытых дверей узкой городской лавки стояла пожилая пара. Над их головами красовалась строгая вывеска на французском: «LÉVY. HORLOGER. RUE DES ROSIERS». Старик на снимке держал в руках тяжелое увеличительное стекло, а женщина мягко улыбалась в объектив.

— Мои родители, — Леви посмотрел на снимок с такой щемящей, глубокой нежностью, что у Анны перехватило дыхание. — Париж, улица Розье. Я родился прямо там, в камерке над этой мастерской. Отец всю жизнь укрощал пружины и маятники. Он часто говорил мне: «Бернар, запомни: *часы не бегут от времени*». Механизм можно обмануть, можно заставить стрелки идти быстрее или медленнее, но сам маховик судьбы и истории тебе не обогнать ни одним ключом.

Анна внимательно всмотрелась в лица стариков на фото. В её памяти мгновенно ожил Кен, прячущий бутылку виски в буфете, и его суровый взгляд, уплывающий к портрету мамы. Вся её жизнь состояла из этих сильных, молчаливых мужчин, укрощающих металл.

— Ваши родители... они могут приехать сюда? К вам, в Америку? — тихо спросила она, поднимая глаза на профессора. — Сейчас ведь в Европе... в газетах пишут страшное.

Бернар Леви медленно убрал фотографию обратно в карман, и его лицо в один миг постарело на десяток лет. За стеклом аэродинамической трубы мерно гудели вентиляторы, но этот гул сейчас казался зловещим предвестником грядущей бури.

— Я француз и я еврей, Анна, — негромко, со страшным спокойствием произнес он, глядя на белые струи дыма. — В спокойное, мирное время это просто две случайные строки в твоей анкете. Но в плохое время... в такое время, как сейчас, это две веские причины для того, чтобы не спать по ночам. Границы закрываются. Маховик запущен.

Он резко тряхнул головой, прогоняя нахлынувшую темноту, и снова положил руку на плечо Анны. — Но мы здесь не для того, чтобы унывать, верно? Не бегите от сложной задачи, *ma petite ingénieure*. Никогда не бегите. Помните: она всегда бежит быстрее вас. Встречайте её лицом к лицу.

Анна твердо кивнула. Эмоциональный укол от слов профессора заставил её пальцы действовать еще увереннее. Она плавно переместила рычаг модели, возвращая крыло в оптимальный режим. Белый дым за металлической кромкой снова выровнялся, превратившись в идеальные, параллельные линии.

— А давайте увеличим скорость потока! — Леви вдруг азартно прищурился и резко крутанул тяжелый черный тумблер на панели управления аэродинамической трубы.

Мощные электродвигатели в подвале отозвались натужным, яростным ревом. Поток встречного воздуха внутри стеклянного отсека резко усилился, превратившись в настоящий ураган.

В ту же секунду идеальная, послушная струя дыма над верхней поверхностью крыла с диким треском сломалась. Прямо на глазах у Анны воздух сошел с ума: плавные линии мгновенно превратились в хаотичные, яростные, закручивающиеся вихри. Поток бурлил, срывался с металла, ломая всю привычную геометрию расчетов.

Анна подалась вперед, почти уткнувшись лбом в толстое смотровое стекло. В его прозрачном отражении было отчетливо видно, как её зрачки расширились от сумасшедшего, первобытного восторга. Она смотрела на этот бушующий хаос воздуха так, словно видела перед собой саму жизнь — непокорную, опасную и прекрасную в своей первозданной физической силе. Она поняла, что эта сложная наука только что бросила ей свой первый, самый главный вызов.

* * *

Глава 26

Утренний заводской гудок — протяжный, басовитый, пробивающий туман над озером Эри — застал Лоуренса Белла на третьем ярусе мостков главного сборочного цеха. Ларри стоял, опираясь ладонями о холодные стальные перила, и смотрел вниз, на раскинувшуюся перед ним железную преисподнюю, которая работала на пределе человеческих и машинных сил.

Это был гигантский, изрыгающий искры живой организм. Всего пять лет назад, в тридцать пятом, когда Депрессия еще душила страну за горло, Ларри ушел из стабильной Consolidated Aircraft, забрал с собой Боба Вудса и объявил, что основывает собственную компанию. В Сити тогда крутили пальцем у виска. Банкиры отказывались давать кредиты человеку, который собирался строить военные самолеты посреди мирного времени в пустых ангарах Буффало. Но Ларри знал — время неумолимо. В Европе уже пахло большой кровью, и тот, кто первым успеет поставить авиастроение на рельсы тотального конвейера, заберет себе будущее.

И теперь это будущее грохотало прямо у его ног.

Через массивные ворота проходной плотной рекой катился человеческий поток новой смены. Тысячи рабочих в одинаковых брезентовых комбинезонах занимали свои места. Ларри проводил их взглядом. Он сам начинал простым механиком, мальчишкой на побегушках в сухих доках, и до сих пор помнил, как едкий керосин въедается в трещины на коже. Именно поэтому его заводы работали как швейцарский хронометр. Здесь не было места провинциальной расхлябанности.

Камера его цепкого, хозяйского взгляда скользила вдоль бесконечных рядов стапелей. Вокруг стоял оглушительный, яростный ад. Десятки пневматических клепальных пистолетов одновременно выбивали пулеметную дробь, намертво загоняя дюралевые заклепки в серебристую обшивку крыльев. Металл стонал и подчинялся. Сверху, из-под перекрытий гигантского цеха, снопами летели слепящие бело-голубые искры от электросварки, на мгновение выхватывая из полумрака бледные лица рабочих под защитными масками. Все двигались в безупречном, пугающе быстром ритме. Между стапелями сновали инженеры в белоснежных халатах, сверяя допуски по тяжелым планшетам, но даже они выглядели лишь винтиками в этом колоссальном механизме.

Ларри Белл удовлетворенно затянулся сигарой. Сизый дым мгновенно растворился в запахе авиационного лака, озона и свежей смазки. На стапелях один за другим обретали плоть фюзеляжи будущих Р-39. Его «Аэрокобр». Самолетов, в которых двигатель стоял за спиной пилота. Безумная, революционная идея Боба Вудса, в которую Ларри поверил без оглядки и ради которой выжал из своих поставщиков все соки.

Производство шло полным ходом. Завод вышел на проектную мощность. Ларри развернулся, поправил полы своего дорогого шерстяного пальто и уверенным, тяжелым шагом направился по мосткам в сторону административного крыла, где в зале заседаний его уже ждали Вудс и руководители смежных отделов. Ему предстояло убедиться в полной готовности этой богини, и Ларри Белл не сомневался в своем успехе. Он построил этот мир с нуля, и этот мир слушался его беспрекословно.

* * *

Глава 27

1940

Лето 1940 года принесло в Буффало легкий ветер, который казался беззаботным, в отличие от всего, что творилось в мире.

Над университетским кампусом висели тучи. Старые клены замерли, не роняя ни единого звука, и даже привычный гул близких авиационных заводов доносился сюда глухим, предостерегающим рокотом.

Мир за пределами этих кирпичных стен стремительно рушился, и это предчувствие большой беды висело в воздухе, заставляя людей говорить тише и смотреть друг другу в глаза чуть дольше обычного.

Бернар Леви и Анна медленно шли по тенистой аллее, ведущей от главного корпуса к воротам. Профессор выглядел осунувшимся; его вечный твидовый пиджак, несмотря на тепло, был застегнут на все пуговицы, словно защищая профессора от невидимого сквозняка, веющего из Европы. Анна шла рядом, прижимая к груди тяжелую папку с выпускной работой. За три года учебы она изменилась — ушла прежняя девичья неуверенность, взгляд стал строже, а на пальцах отчетливо виднелись желтоватые пятна от въевшейся чертежной туши.

Леви вдруг остановился около старого вяза. Он тяжело вздохнул, сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда продолговатый предмет — старую логарифмическую линейку в потертом кожаном футляре. Кожа местами потрескалась и потемнела от многолетнего прикосновения пальцев. Профессор медленно, с какой-то особенной, почти религиозной осторожностью вытянул деревянную планку из футляра наполовину. На мгновение он замер, вглядываясь в ровные, едва заметные деления шкал, будто читал по ним собственную молодость, а затем через небольшую паузу протянул её Анне.

— Это Вам, — произнес он, и его тихий голос с легким, едва уловимым европейским акцентом прозвучал бесконечно устало. — Купил в Париже в девятнадцать лет. Тогда мне казалось, что мир устроен просто и логично. У хорошей линейки нет мнения, Анна. Только числа. Ей все равно, кто держит её в руках и ради чего умножает коэффициенты.

Анна посмотрела на старинный инструмент, и её сердце сжалось от подступающей к горлу грусти. Она сделала шаг назад, качнув головой: — Я не могу принять это, профессор. Это слишком дорогая вещь. Ваша личная память.

— Можете, — мягко, но непреклонно возразил Бернар Леви. На его бледных губах появилась слабая, печальная улыбка. — В деканате уверены, что вы должны продолжать обучение и поступить в Graduate School. И я, кстати, тоже. Вы переросли наши аудитории, дитя мое. Настоящая наука ждет вас там, в тишине исследовательских лабораторий. А Bell... Bell никуда не денется. Заводы Ларри Белла будут стоять здесь и через десять лет.

Анна опустила глаза. На мгновение ей показалось, что на неё навалилась вся тяжесть того гербового листа, который она подписала три года назад в кабинете директора авиафирмы. — Я должна отработать контракт, мистер Леви. И я обещала. Гордон верит в меня, Ларри Белл оплатил каждый мой цент здесь. Я не могу просто уйти в чистую теорию, когда обязана вернуть долг.

Леви вздохнул, и в этом вздохе была скорбь человека, который слишком хорошо знал, как прагматичный бизнес перемалывает молодые таланты. — Тогда принесите туда, в их грохочущие цеха, привычку задавать неудобные вопросы. Не верьте готовым спецификациям.

Бернар Леви сделал шаг вперед, взял холодную ладонь Анны, мягко вложил в неё деревянный футляр и бережно закрыл её пальцы своими. Потом он поднял голову, слегка сощурился сквозь круглые стекла очков и долго, печально смотрел на безжалостное летнее солнце, словно пытался разглядеть в его лучах контуры грядущей катастрофы.

— Берегите её, — тихо добавил он, не глядя на девушку. — И никогда, слышите меня, Анна? Никогда не верьте тем, которые говорят, что всё уже посчитано до них. Как только инженер решает, что формула абсолютна, он совершает ошибку.

— Спасибо, — прошептала Анна, чувствуя, как тепло старого дерева передается её пальцам. — Вы... вы правда думаете, что я могу быть настоящим инженером? Не просто чертежницей, которая исправляет чужие огрехи?

Леви наконец повернулся к ней, и его глаза за стеклами очков на мгновение блеснули прежней отеческой теплотой: — Я думаю, мисс Анна, что компании Bell очень повезло. Настолько, что мистер Белл сам еще не осознает масштаба своего везения.

Их разговор прервал резкий, пронзительный крик, ворвавшийся в тишину университетской аллеи. Мимо них по дорожке, взметая пыль стоптанными ботинками, пробежал вихрастый мальчишка-газетчик. Он размахивал свежим, еще пахнущим влажной типографской краской номером «Buffalo Evening News».

— Свежие новости! Читайте! — надрывался мальчик, и его звонкий голос казался неуместным среди сонной тишины кампуса. — Немецкие войска в Париже! Париж пал! Британские летчики сражаются в небе над Ла-Маншем! Покупайте газету!

Профессор Леви резко побледнел. Его рука, оставшаяся в воздухе, медленно опустилась. Он вытащил из кармана сложенное вчетверо письмо, покрытое мелким, убористым почерком, и едва заметно погладил бумагу кончиками пальцев.

— Отец пишет из Парижа про часы без стрелок, которые теперь висят на ратуше, — негромко, словно разговаривая с самим собой, произнес профессор. — А мама... мама просит в каждом письме, чтобы я обязательно надевал теплый шарф, когда с озера дует ветер. Значит, пока всё в порядке.

Он резко встряхнул головой, прогоняя нахлынувшее оцепенение, и нежно посмотрел на Анну. — Бегите, *ma petite ingénieure*. Бегите, вас наверняка заждался ваш любимый. У Вас удивительно светлая голова. И я сейчас говорю совсем не про цвет Ваших волос.—Спасибо, профессор — Анна нежно взяла Бернара Леви за локоть, улыбнулась и быстро зашагала в сторону соседнего университетского корпуса. Затем она обернулась и на ходу помахала ему рукой.

Бернар Леви сквозь очки смотрел ей вслед и думал о том, что из всего потока в несколько сотен студентов, только Анна Олдридж заставит о себе говорить ведущие мировые корпорации. А еще он думал о Париже и не знал, что судьба семьи Леви уже предрешена и эта страшная мясорубка не пощадит никого.

* * *

Глава 28

За панорамными окнами административного крыла висело хмурое, налитое свинцом небо Буффало. Сырой, порывистый ветер со стороны озера Эри с силой швырял в толстые стекла первые капли холодного дождя, но внутри просторного, строгого кабинета царила абсолютная, герметичная тишина. Здесь не было слышно яростного пулеметного треска клепальных пистолетов или гула конвейера — индустриальный ад остался там, за массивными звукоизолирующими дверями.

Свет в помещении был выключен. Жалюзи на окнах плотно закрыли, отсекая КБ от внешнего мира, и единственным источником света служил яркий луч проектора. Он прорезал полумрак комнаты и выводил на стену детализированные, сложные синие чертежи. Прямо посередине длинного Т-образного стола из темного ореха, словно алтарь новой технологической религии, покоился футуристический макет истребителя. В отличие от любого привычного самолета, его винт размещался строго по центру фюзеляжа, придавая силуэту хищный, почти неестественный вид.

Изображения на стене комментировал Роберт Вудс. Главному конструктору компании исполнилось пятьдесят пять, и вся его плотная, авторитетная фигура дышала тяжелой уверенностью человека, который подчинил себе законы физики. Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад, а в руке он жестко, словно указку, сжимал длинный карандаш.

— Первая партия предсерийных образцов новейшего Р-39 «Аэрокобра», собранных по прямому заказу Авиакорпуса, полностью готова к демонстрационным испытаниям, — весомо, глотая окончания слов от внутреннего возбуждения, чеканил Вудс. — Все расчетные характеристики строго соответствуют техзаданию. Заказ Великобритании на данный момент — порядка четырех сотен машин. Могу с уверенностью заявить: общий объем выпуска на наших обновленных мощностях может составить сто пятьдесят — сто шестьдесят машин в месяц. Это колоссальные цифры, господа.

У края стола, затаив дыхание, внимательно слушали ведущие инженеры КБ. Чуть в стороне от них, скрестив руки на груди, стоял Гордон Олдридж. За прошедшие четыре года он заметно возмужал, в его манере появилась жесткая армейская хватка, а лицо обветрилось от сотен часов, проведенных на высоте. Его рабочая летная куртка с потертыми манжетами резко контрастировала с дорогими пиджаками присутствующих, но именно Гордон сейчас был тем единственным мостом, который связывал эти идеальные чертежи на стене с суровой реальностью открытого неба.

Ларри Белл — подвижный, подтянутый мужчина в модном, сшитом на заказ дорогом костюме — медленно поднялся со своего кожаного кресла. Генеральный директор компании подошел ближе к экрану, и луч проектора на секунду высветил его цепкое лицо коммивояжера высшей лиги.

— Роберт, у нас получилась дьявольски красивая машина, — негромко произнес Ларри, затягиваясь сигарой, и сизый дым медленно поплыл через световой луч. — Летчикам она понравится, в этом я не сомневаюсь ни секунды. Сейчас это лучший истребитель из всех, что я знаю. Включая немецкие «Мессершмитты». Хотя их характеристики меня, признаться, очень впечатляют. В высотном бою они нам, пожалуй, ни в чем не уступают. Вашингтон требует от нас скорости, и мы им её дадим.

Белл повернулся к Гордону, и его глаза сузились. В этом кабинете сейчас решалась судьба миллионов долларов правительственных контрактов, и Ларри Белл был готов на всё, чтобы эта железная «Кобра» укусила военных за живое.

Ларри Белл повернулся к Гордону и заговорщически подмигнул ему, выпуская изо рта плотную струю сизого табачного дыма. В этом жесте была вся суть Белла — прирожденного

торговца, который видел в пилоте своего главного союзника, способного очаровать генералов из Вашингтона.

— И наша тридцатисемимиллиметровая пушка в носу — это аргумент, который перевесит любые сомнения, — Ларри весомо ударил ладонью по краю орехового стола. — После показательных полётов на Райт-Филд первую серийную партию машин мы сразу отправим в Англию. Там, над Ла-Маншем, парни попробуют их в деле против Люфтваффе. Небо Европы быстро расставит всё по местам, и я убежден, они подтвердят и расширят этот контракт.

Белл сделал паузу, стряхнул пепел с сигары в массивную хрустальную пепельницу и в упор посмотрел на Олдриджа. Проектор на стене продолжал гудеть, подсвечивая синим неоновым светом участников совещания.

— А Вы что скажете, мистер Олдридж? — голос генерального директора прозвучал мягко, но в КБ знали: Белл никогда не задавал вопросов просто так. Ему нужно было одобрение человека, который уже держал штурвал этой машины на виражах.

Гордон медленно перевел взгляд с сияющего чертежа фюзеляжа на Ларри. За окном кабины хмурый осенний ливень с новой силой забарабанил по стеклам, словно пытаясь прорваться внутрь этого стерильного, замершего в ожидании помещения.

— Маневренность машины великолепна, мистер Белл, — заговорил Гордон, и его спокойный, хрипловатый голос заставил инженеров за столом податься вперед. — Обзор из кабины — выше всяких похвал, лучший из всего, что я видел. Набор скорости на малых и средних высотах отличный. Кабина... — Гордон скупно улыбнулся, вспомнив, как Анна рассматривала первый эскиз эргономики, — кабина очень удобная. Сидишь как в хорошем дорогом автомобиле. Двери сбоку, как в седане, да еще и отопитель работает исправно — для зимних перелетов это спасение. То, что двигатель расположен за спиной пилота... Да, это необычно. Поначалу этот рев за затылком чертовски нервирует. Но Боб прав: это тяжелое железо сзади работает как отличная броня. Дополнительная защита для парней, если кто-то пристроится в хвост из задней полусферы.

Роберт Вудс при этих словах довольно расправил плечи, его лохматые брови победно взметнулись вверх. Он бросил торжествующий взгляд на ведущих конструкторов. Но Олдридж не закончил. Он опустил руки, шагнул ближе к Т-образному столу и положил ладонь на холодное дюралевое крыло макета.

— Однако есть моменты, которые меня серьезно смущают, сэр, — тихо, но отчетливо произнес Гордон.

В ту же секунду улыбка сползла с лица Вудса. Атмосфера в кабинете мгновенно изменилась, став колючей и натянутой, как стальной трос перед разрывом. Ларри Белл медленно зажал сигару в зубах и сузил глаза, улавливая это изменение ритма.

— Говорите, Гордон, — негромко, но властно разрешил Белл.

Гордон Олдридж обвел присутствующих тяжелым взглядом. Луч проектора разрезал полумрак, отбрасывая на чертеж истребителя его резкую тень. На секунду за окном КБ вспыхнула белая молния, и последовавший за ней глухой раскат грома над озером Эри придал словам пилота зловещий вес.

— Машина отцентрована назад, мистер Белл, — жестко, без обиняков произнес Гордон. — И при малейшем сбросе скорости она склонна к моментальному сваливанию в штопор. Обычный самолет перед этим хотя бы дрожит, предупреждает пилота. Эта тварь клюет хвостом без предупреждения. Особенно это заметно при отстреле боезапаса из носового отсека. Когда снаряд из пушки улетает, нос мгновенно становится легче на пару сотен фунтов. Центр тяжести прыгает назад, как безумный. У меня стаж пилотирования более десяти лет, сэр, я летал на всем, что способно держаться в воздухе, но на третьем вылете я еле вытащил её из этого плоского вращения. Рули просто перестают слушаться. Менее опытные ребята из строевых частей, боюсь, с ней просто не справятся. Они убьются на первом же вираже.

В кабинете воцарилась тишина. Инженеры за столом опустили глаза, боясь переглядываться. Роберт Вудс резко, с сухим стуком отложил свой чертежный карандаш. Его лицо налилось кровью от ярости. Он медленно снял очки в роговой оправе и принялся с силой тереть пальцами побелевшую переносицу, пытаясь сдержать закипающий гнев. Конструктор ненавидел, когда в его выверенную, геометрию лезли с грубыми замечаниями из суровой реальности летного поля.

Ларри Белл не шевельнулся. Сигара в его зубах давно погасла, но он продолжал держать её, неотрывно глядя на светящийся синий чертеж «Аэрокобры». На кону стояли не просто жизни пилотов — на кону стоял многомиллионный контракт с правительством и будущее всей его корпорации. Наконец он медленно повернул голову к главному конструктору.

— Роберт, — голос Белла прозвучал тихо, но в этой тишине сквозила неуверенность. — Мы можем как-то загрузить нос или иным механическим образом решить эту проблему? Поставить балласт? Сдвинуть узлы?

Вудс тяжело вздохнул, надел очки обратно и посмотрел на генерального директора с упрямой, фанатичной гордостью творца, который не намерен ломать свое детище ради чужих страхов.

— Принципиально — никак, Ларри, — отрезал Вудс, и его авторитетный голос зазвучал глухо и весомо. — Это фундаментальные особенности выбранной нами компоновки. Двигатель за спиной — значит, вес сосредоточен в центре и сзади. Именно эта модель ведет себя в воздухе подобным образом, она требует от пилота высочайшего, ювелирного мастерства. В этом её достоинство, её непревзойденная маневренность — и в этом же, возможно, её главный недостаток. Переделывать планер сейчас — значит сорвать сроки поставок и запустить чертежи по новому кругу на два года. У нас нет этого времени.

Ларри Белл медленно поднялся, подошел к Т-образному столу и аккуратно взял в руки футуристический макет истребителя. В тусклом луче проектора серебристый дюраль макета блеснул, как чешуя настоящей змеи. Белл обвел взглядом притихших инженеров, задержав его на хмуром лице Гордона. Решение было принято — быстро, цинично и беспощадно, как всегда в большом бизнесе накануне мировой катастрофы.

— Мы не будем трубить об этом на весь мир, — весомо произнес Ларри Белл, опуская макет обратно на ореховое дерево стола. — В конце концов, у каждого боевого самолета есть свои скрытые особенности и свой характер. Пусть армейские летчики повышают свое мастерство. Они профессионалы, они знали, куда шли. Это военный истребитель для грядущей бойни, а не детский велосипед, черт возьми. Готовьте машины к демонстрационным испытаниям на Райт-Филд.

Гордон Олдридж лишь слегка пожал плечами под своей кожаной курткой. Он был лучшим пилотом Буффало, и этот смертельный дефект казался ему лишь очередной интересной задачей, которую он, в отличие от остальных, щелкал как орехи.

* * *

Вечер лениво опускался на городок. В мастерской Кена пахло всё тем же солидолом, старым железом и крепким табаком, но теперь к этим суровым запахам примешивался едва уловимый, уютный аромат лавандового мыла. За эти три года Мэгги Хиггинс стала здесь частым гостем. Она больше не ждала приглашений — просто приходила, когда упрямый механик забывал пообедать, или приносила свежие газеты из Буффало, которые Кен зачитывал до дыр, выискивая любые упоминания о компании Bell Aircraft.

Кен стоял у верстака, неторопливо протирая промасленной ветошью детали разобранного генератора. Его широкие плечи чуть ссутулились, в густых волосах прибавилось седины, но глаза светились той особенной гордостью, которую невозможно было скрыть.

— Анна вчера звонила, — как бы между прочим произнес Кен, не поднимая взгляда от железа, но его голос выдавал глубокое, kloчочущее в груди волнение. — Из самого Буффало,

представляешь? Сказала, тесты сданы на «отлично». Через месяц вручение дипломов. Настоящий диплом инженера, Мэгги! Ларри Белл уже подписал приказ о её зачислении в штат конструкторского бюро. Девчонка из нашей дыры будет проектировать крылья для новых армейских машин. Кто бы мог подумать...

Мэгги сидела на низком деревянном стуле у входа, аккуратно перебирая пуговицы в своей швейной коробке, которую принесла с собой. Она подняла глаза на Кена, и на её губах заиграла понимающая улыбка. За эти годы она научилась читать этого человека как открытую книгу.

— Я всегда знала, что она справится, Кен, — мягко сказала Мэгги. — У Энни твоя порода. Такая же упрямая, своего не упустит. А Гордон что?

— Гордон с ума сходит от гордости, — Кен наконец отложил ветошь и повернулся к ней, оперевшись широкими ладонями о верстак. — Купил ей какой-то особенный чемоданчик для чертежей из крокодиловой кожи. С ума сойти, сколько денег выкинул. Да, чуть не забыл... Анна ведь просила передать. «Привет, — говорит, — передай тете Мэгги. И поцелуй её от меня».

Кен замолчал. В мастерской вдруг стало тихо. Слово «поцелуй» повисло в воздухе, весомое и значительное. Кен топтался на месте, его с пальцы судорожно мяли старую тряпку. Он посмотрел на Мэгги — она сидела неподвижно, глядя на него снизу вверх своими лукавыми глазами. В её взгляде читалось то самое затаенное ожидание, которое она бережно несла через все эти одинокие годы.

Мэгги чуть наклонила голову, в её глазах промелькнула привычная искра.

— Ну и что ты стоишь, интересно? — тихо, с легким вызовом спросила она, хотя её дыхание заметно участилось. — Дочка ведь просила. Выполняй давай!

Кен неловко шагнул вперед. Его жесткая ладонь бережно коснулась её щеки, словно стирая невидимую пудровую пыль. Он наклонился и неуклюже ткнулся губами ей в щеку.

— Ты изящен как гризли, Кен Филлипс, — вздохнула Мэгги и пошла на кухню варить кофе.

Ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.